

0255

Г О Л О С Ъ
Ж И З Н И
1915 № 18

Л И Т Е Р А Т У Р Н О - П О Л И Т И Ч Е С К И Й
И Л Л Ю С Т Р И Р О В А Н Н Ы Й
Е Ж Е Н Е Д Ъ Л Ь Н И К Ъ

СОДЕРЖАНИЕ № 18.

Ред. „Теперь или послѣ?“ (статья).
Д. Философовъ. „Разложение футуризма“ (статья).
В. Шнловскій. „Предпосылки футуризма“ (статья).
Н. Долговъ. „Стихія свѣтлаго юмора“ (статья).
Юрій Зубовскій. „Травля“ (рассказъ).
С-й Н-въ. „А. Н. Скрябинъ“ (статья).
Александръ Тиняковъ. „Письмо въ редакцію“.
ВѢСТИ и МНѢНІЯ. Борисъ Кремневъ. „Письма со стороны“ (II).
Обыватель. „Выставка военная и мирная“. Н. Лернеръ.
„Изъ неизданныхъ рисунковъ Пушкина“ (портретъ Грибоѣдова и автопортретъ).

И Л Л Ю С Т Р А Ц И И:
+ Григорій Градовскій 13 апрѣля 1915 г. (стр. 13).
+ А. Н. Снрябинъ (рис. Евг. Зака. 1907 г.) (стр. 15).
Н. А. Варламовъ, заслуженный артистъ Импер. театровъ (стр. 11).
Страничка пушкинской рукописи (стр. 17).
П. Верейскій. „Петроградъ“. 2 рисунка (стр. 9 и 10).
Л. Нвятковскій. Набросокъ съ натуры (стр. 7).
Вовниія иллюстраціи: „Могила павшихъ въ бою“ (стр. 3), „Отправка призыва 1916 г. (Франція)“ (стр. 4), „Французскій драгунъ“ (стр. 5), „Защита Парижа отъ цеппелиновъ“ (стр. 6), „Выставка трофеевъ въ Кіевѣ“ (стр. 12 и 13).

Адресъ Редакціи: Лиговская, 114, кв. 2, тел. 20-01. Съ 1-го мая пріемные часы: по вторн. отъ 3-хъ до 6-ти. Рукописи, присылаемыя въ Редакцію, должны быть четко написаны, черезъ страницу. На отвѣтъ прилагаются почтовые марки. Непринятые рукописи хранятся въ теченіе мѣсяца, послѣ чего уничтожаются.

При семъ № разсылается подписчикамъ третій выпускъ полного собранія сочиненій **ЛЪВА ТОЛСТОГО**, содержащій первую часть (стр. 192—288) романа „**ВОЙНА и МИРЪ**“ (т. 7).

Въ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ принимаютъ участіе:

Въ литературномъ отдѣлѣ:

Г. Адамовичъ, С. Андреевскій, Анна Ахматова, С. Ауслендеръ, Г. Бароновъ, В. Бестужевъ, Л. Берманъ, А. Блокъ, В. Богучарскій, Н. Бородинъ, В. Брусянинъ, З. Венгерова, Б. Верхоустинскій, Б. Веселовскій, Л. Галичъ, В. Гиппуть, З. Гиппуть, Г. Георгиевскій, С. Городецкій, Л. Добронравовъ, Сергѣй Есенинъ, Борисъ Зайцевъ, И. Зейлингеръ, Георгій Ивановъ, В. Ирецкій, Р. Ивневъ, В. Каратыгинъ, В. Карачарова, А. Карташевъ, Н. Коробко, В. Кохановскій, Антонъ Крайній, Д. Крачковскій, Борисъ Кремневъ, Д. Крючковъ, М. Курчинскій, О. Ларинъ, Д. Левинъ, Н. Лернеръ, О. Мандельштамъ, Е. Мауринъ, А. Мейеръ, Д. Мережковскій, Д. Митрохинъ, М. Моравская, М. Новорусскій, Я. Окуневъ, І. Орбели, Е. Псковитиновъ, А. Ремизовъ, В. Ропшинъ, А. Ростиславовъ, Е. Семеновъ, М. Славинскій, Ю. Слезкинъ, Ю. Слонимская, Андрей Соболевъ, К. Соколовъ, П. Соловьева (Allegro), В. Соловьевъ, А. Тиняковъ, Н. Толмачевъ, О. Форшъ, А. Чапыгинъ, Георгій Чулковъ, М. Шагинянъ, Викторъ Шнловскій, К. Эрбергъ, Н. Ястребовъ и др.

Въ художественномъ отдѣлѣ:

Н. Альтманъ, А. Арнштамъ, Александръ Бенуа, И. Билибинъ, Л. Бруни, П. Верейскій, А. Гроссъ, М. Добужинскій, С. Ереминъ, А. Иванова, Л. Квятковскій, Коровкинъ, Г. Лукомскій, Д. Митрохинъ, П. Митуричъ, М. Нечитайло-Андреевко, Ъ. Поповъ, Б. Познъ, Е. Псковитиновъ, Н. Рерихъ, Н. Смирновъ, А. Соборова, С. Чехонинъ, Щекотикина, В. Яннауеръ, С. Яремичъ и др.

Подписная цѣна журнала „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ съ 82-мя книгами полного собранія сочиненій Л. Н. ТОЛСТОГО съ пересылкой—8 р. 50 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ—3 р. 50 к., къ 1-го марта—2 р., къ 1-го июня—2 р., къ 1-го августа—1 р.
Цѣна за 6 мѣс.—4 р. 25 к., за 3 мѣс.—2 р. 12 к.

Подписная цѣна журнала „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ (безъ книгъ полного собранія сочиненій Л. Н. ТОЛСТОГО).
Съ пересылкой: за годъ—4 р. 50 к., за 6 мѣс.—2 р. 50 к., за 3 мѣс.—1 р. 35 к. Разсрочка допускается: при подпискѣ—2 р. 50 к., къ 1-го июня—2 р.

ПРИ ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА необходимо прилагать СТАРЫЙ АДРЕСЪ и ТРИДЦАТЬ (30) коп. почтов. марками.
Заявленія о неполученіи очередного номера необходимо дѣлать тотчасъ по полученіи номера, слѣдующаго за неполученнымъ. Позднѣйшія заявленія удовлетворены быть не могутъ.

Лица, подписывающіеся на журналъ „ВСЕМИРНАЯ НОВЬ“ съ книгами сочиненій Л. Н. ТОЛСТОГО, просятъ **ОБЯЗАТЕЛЬНО ПИСАТЬ на ДЕНЕЖНОМЪ ПЕРЕВОДѢ** фразу

„съ сочиненіями Л. ТОЛСТОГО“, указывая при этомъ желаемое количество книгъ, т. е. 82 (полное собраніе ВСѢХЪ сочиненій) или 50 (собрание ТОЛЬКО беллетристическихъ произведеній). Въ случаѣ неупоминанія въ переводѣ о сочиненіяхъ Л. Н. ТОЛСТОГО подписка будетъ зачисляться въ абонементы № 1 или № 2 (соответственно количеству высланныхъ денегъ) какъ наиболѣе требуемые.

НАПОЛЕОНЪ въ РОССИИ въ 1812 г.

Отечественная война—эта доблеетная борьба русскаго народа съ Наполеономъ—покрыла Россію неувыдающей славой, и память о ней должна яркимъ свѣточемъ жить въ душѣ каждаго русскаго человѣка. Наше новое изданіе „НАПОЛЕОНЪ въ РОССИИ“ въ живой формѣ изображаетъ эпоху Отечественной войны 1812 г., съ момента ея возникновенія до заключенія Парижскаго міра въ 1815 г., причемъ наряду съ описаніемъ хода военныхъ событій оно даетъ изображеніе жизни народа въ ту знаменательную эпоху, содержитъ въ себѣ массу живыхъ бытовыхъ сценъ, яркихъ эпизодовъ и характеристикъ какъ отдѣльныхъ дѣятелей, такъ и особенно выдающихся моментовъ, и снабжено болѣе чѣмъ двумястами иллюстрацій съ очень рѣдкихъ картинъ, рисунковъ и портретовъ.

Требованія адресуются Акционерному Обществу Издат. А. А. КАСПАРЪ, Петроградъ, Лиговская ул., 114, и Садовая ул., 20.

ГОЛОСЪ ЖИЗНИ

0255

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЪЛЬНИКЪ

издаваемый Акц. Общ. Издательства А. А. Каспари въ Петроградѣ, при ближайшемъ участіи Д. В. Философова.

Петроградъ.

№ 18

29 апрѣля 1915 г.

ТЕПЕРЬ ИЛИ ПОСЛѢ?

Этотъ вопросъ поднялъ органъ московскихъ либеральныхъ промышленниковъ, газета „Утро Россіи“.

«Благодаря военнымъ событіямъ,—говоритъ газета (№ 98),—каждый почти день приноситъ новыя задачи, которыя требуютъ своего разрѣшенія: такъ на примѣръ очень недавно надвинулась новая очередная задача, которая занимаетъ вниманіе и правительства, и широкихъ общественныхъ круговъ,—задача борьбы съ дороговизной.

Но самая внезапность возникновенія вопроса о дороговизнѣ доказываетъ, что очевидно практикуемые у насъ методы государственной и общественной работы требуютъ пересмотра. Поиатно, что въ первые мѣсяцы послѣ начала войны нужно было произвести колоссальную работу по организации помощи раненымъ; эта работа потребовала отъ всѣхъ принимающихъ въ ней участіе напряженія и вниманія, и силъ ихъ не могла не отвлечь дѣятельность отъ текущихъ вопросовъ, тѣмъ болѣе, что настоящи строй жизни подѣ дѣйствіемъ войны существенно измѣнился. Теперь, послѣ 9 мѣсяцевъ войны, когда побѣда является въ сущности вопросомъ времени и когда организация помощи раненымъ налажена и планомерно дѣйствуетъ, настало время приступить прямо и непосредственно къ вопросамъ устройства экономической жизни страны на новыхъ началахъ».

Естественно, что интересъ промышленности всего ближе промышленному сердцу почтенной газеты. Поэтому въ первую голову „Утро Россіи“ ставитъ организацию промышлен-

ности. Но вопросъ о томъ „теперь или послѣ“ самъ по себѣ куда шире. Онъ имѣетъ принципиальное значеніе, и отвѣтъ на него не можетъ сводиться къ удовлетворенію классовыхъ интересовъ производителей. Существуютъ на свѣтѣ и потребители. Если промышленники требуютъ непременно, чтобы правительство имъ добыло „иностранныя валюты“, потому что иначе они понесутъ слишкомъ большіе убытки, то потребители заботятся о вещахъ менѣе высокыхъ: о томъ, чтобы яйца были подешевле, чтобы мясо можно было достать. Если въ свое время „Утро Россіи“ требовало, чтобы дипломатическимъ путемъ было оказано давленіе на „сюзныхъ“ министровъ финансовъ, потребители куда скромнѣе—въ иностранную политику они не вмѣшиваются. Не умѣя до конца разобраться въ причинахъ дороговизны, они требуютъ обузданія спекуляторовъ. Конечно не спекуляція—главная причина дороговизны; но врядъ ли московскіе промышленники будутъ отрицать, что спекуляція у насъ въ достаточной мѣрѣ процвѣтаетъ. Если бы „потребители“ были устроены и организованы, борьба съ дороговизной шла бы куда успѣшнѣе.

Но что такое „потребители“? Кто—они? Не мудруясь лукаво, надо сказать, что „потребители“, это—вся демократическая Россія. И если „Утро Россіи“ говорить объ „устрое-

ни экономической жизни страны“, то это самое устройство надо понимать широко, не сводить его къ тому, чтобъ почтенный г-нъ Крестовниковъ получилъ столь нужную ему „валюту“.

Но что такое организація „потребителей“? Устройство потребительскихъ кооперативовъ? Конечно и кооперативы полезны, необходимы. Но развиваться они, какъ и всѣ другія формы потребительской самозащиты, могутъ только въ подходящей обстановкѣ, способствующей самодѣятельности, поощряющей инициативу.

И эта самодѣятельность, поощряемая общими условиями, въ данное время нужна вовсе не сама по себѣ, а какъ одно изъ средствъ, помогающее общей дѣли—счастливому окончанію войны. Вся Россія живетъ теперь подъ знакомъ побѣды. Все, что мѣшаетъ скорѣйшему достиженію этой дѣли, губительно. Угнетенное состояніе „потребителей“, препятствія, чинимыя ихъ самодѣятельности, отсутствие коллективныхъ организацій въ ихъ средѣ—явленія крайне нежелательныя, и вовсе не съ точки зрѣнія какой нибудь „партиной“, „оппозиціонной“ программы, а съ чисто военной точки зрѣнія. Теперь не время заниматься оппозиціей ради оппозиціи. Теперь время серьезнаго государственнаго дѣлания, время серьезной борьбы съ излишней тратой силъ, столь необходимыхъ для внѣшней борьбы. Главное же условіе экономіи силъ—ихъ планомерная организація. Если ея не было до войны, давайте ее насаждать теперь, сейчасъ. Время не терпитъ. Нельзя откладывать на „послѣ“ то, что можно осуществить „теперь“. Торопятъ насъ не „политиканы“, а сама жизнь.

Запрещеніе водки, учрежденіе земскаго и городского союзовъ, забота о замѣнѣ водки разумными народными развлечениями („При создавшемся положеніи вещей,—говорится въ запискѣ м-ва внутреннихъ дѣлъ,—правительство не можетъ оставаться равнодушнымъ къ вновь возникшей потребности народной жизни“), намѣченная реформа школы, и даже введеніе городского положенія въ Царствѣ Польскомъ—все это показываетъ, что и правительство стремится удовлетворить главныя, наиболее острыя нужды именно теперь, не откладывая ихъ на „послѣ“. Слѣдовало бы только идти по этому пути болѣе энергично. Такъ напримѣръ сама жизнь подсказала, что земскіе органы очень подходятъ для выполненія нѣкоторыхъ внѣочередныхъ задачъ государственнаго порядка. И на наши земства и городскія самоуправленія возложено въ настоящее время очень много серьезнаго дѣла.

Однако всѣмъ ясно, что узкій составъ земскихъ дѣятелей, отсутствіе мелкой земской единицы, поселковаго управленія въ значительной мѣрѣ препятствуютъ развертыванію всѣхъ „земскихъ“ силъ. Въ всякой „политикѣ“, просто по „техническимъ“ соображеніямъ момента, надлежитъ вовлечь въ государственное дѣланіе всѣ работоспособные элементы страны.

Иначе много силъ трагится зря, энергичныя усилія не достигаютъ желательной дѣли.

Почти полтора вѣка тому назадъ Франція пришлось вести борьбу съ европейской коалиціей. И если столь неровная борьба велась съ такой удачей, то не потому ли, что параллельно съ внѣшней борьбой велась энергичная внутренняя работа самообновленія?

Для достиженія скорѣйшей побѣды не слѣдуетъ ничего жалѣть, ни предъ чѣмъ останавливаться. Лозунгъ „теперь“, проведеніе этого лозунга въ жизнь—одно изъ главныхъ условій нашего военнаго успѣха.

Одна изъ самыхъ нашихъ „трезвыхъ“ политическихъ партій, партія к.-д., заняла въ этомъ вопросѣ довольно странную позицію. Съ самаго начала войны она провозгласила: „Теперь ничего не надо; все отложимъ на послѣ“,—и таинственно замолчала, ведя въ тиши кабинета свои бухгалтерскія книги, общія послѣ войны подать свой счетъ.

Это поведеніе почтенной партіи показываетъ, насколько она не слышитъ голоса жизни, не понимаетъ настроенія многомиллионныхъ „потребителей“.

„Потребителей“ абсолютно не интересуютъ теперь „оппозиція ради оппозиціи“ и всяческое, хотя бы очень тонкое, политиканство. Они силою вещей вовлечены въ войну, они отлично сознаютъ, что, при грандиозномъ масштабѣ развернувшихся событій, невозможно провести грань между „военными“ и „гражданскими“ дѣлами. Своевременный засѣвъ полей, разумное веденіе своего маленькаго хозяйства, жизненный упоръ каждаго гражданина земли русской есть серьезная работа на пользу общей, единой задачи: побѣды надъ врагомъ. И, если „потребитель“ требуетъ, чтобы теперь же принимались мѣры, помогающія „засѣву полей“, то вовсе не изъ духа оппозиціи, а изъ чувства здороваго государственнаго инстинкта, здороваго патриотизма. Надо радоваться, что этотъ здоровый государственный инстинктъ наконецъ проснулся, всячески поощрять его ростъ, а не осаживать его въ видахъ какой-то слишкомъ тонкой „оппозиціонной“ тактики, смыслъ которой такъ тонокъ, такъ тонокъ, что рвется на нашихъ глазахъ.

То, что можешь сдѣлать сегодня, не откладывая на завтра. Въ настоящее же время откладывать на завтра—уже не грѣхъ, а даже преступленіе. Можетъ быть, бухгалтерскія книги кадетовъ очень интересны, и черезъ годъ или два мы преклонимся предъ ихъ толковой дѣловитостью, особенно, если будемъ живы. Но теперь мы слишкомъ заняты первымъ и самымъ насущнымъ дѣломъ. Намъ не до будущей бухгалтеріи. Предъ нами раскрыта не бухгалтерская книга, а книга нашего государственнаго бытія. И каждая страница этой книги кричитъ: „Теперь, а не послѣ!“.

Ред.

Могилы павших в бою.

Д. ФИЛОСОВЪ.

РАЗЛОЖЕНИЕ ФУТУРИЗМА.

Положительно въ „Голосѣ Жизни“ надо открыть специальную рубрику: „Современная молодежь“.

Читатели вѣроятно помнят частное письмо одного провинціального юноши, Н. К.—на (№ 16-й). Урѣзанное благодаря условіямъ современной печати, оно даетъ все-таки понятіе о тѣхъ темахъ, которыя волнуютъ зеленую молодежь сегодняшняго дня. Это—строители будущей Россіи. Если созрѣютъ они только лѣтъ черезъ пятнадцать, то именно теперь опредѣляется ихъ психика, слагается воля. А потому присмотрѣться къ нимъ, войти въ ихъ интересы—долгъ каждаго изъ насъ.

Статья студента-политехника Н. Ястребова („Зори грядущаго“, № 17) совсѣмъ другого тона и типа. Какъ это ни странно, она гораздо „наивнѣе“ статьи-письма гимназиста Н. К.—на. Несмотря на свое общающее названіе, она гораздо болѣе въ прошломъ, нежели въ грядущемъ. Письмо Н. К.—на—очень субъективное, но въ немъ чувствуется „мы“, и къ этому „мы“ прибавляется еще психологія волевого устремленія. „Мы“ не хотятъ сидѣть сложа руки. Они хотятъ передѣлывать жизнь по-своему, хотятъ сознательно всту-

пить въ нее. Ястребовъ же какъ-то не надѣется на себя. Ждетъ все того же затасканнаго и затрепаннаго „сверхчеловѣка“ въ видѣ какого-то барина, который пріѣдетъ и насъ разсудитъ.

Въ настоящемъ номерѣ нашего журнала помѣщена статья добровольца автомобильной роты, В. Шкловскаго. Авторъ не стремится убѣдить насъ, что футуристы сами по себѣ талантливы, что ихъ произведенія великолѣпны. Онъ становится на формальную точку зрѣнія. Обнаруживая бездну учености, цитируя Потебню, Веселовскаго и кучу другихъ авторитетовъ, хочетъ доказать, что футуризмъ—не безъ рода и племени, что онъ—законное дѣтище почтенныхъ родителей. На голыя стѣны футуристическаго дворца Шкловскій повѣсилъ кучу портретовъ—все предки, въ золоченыхъ рамахъ. Пріемъ извинительный для убѣжденнаго футуриста, но надо признать, что своей „фамильной галлереей“ Шкловскій убилъ „новыхъ людей“ (homines novi)! Маяковскій, который воображать, что родился прямо изъ головы Зевса, очень много потерялъ въ нашихъ глазахъ, когда мы узнали, что онъ въ родствѣ даже съ Бобчинскимъ. Въ коллективномъ творчествѣ языка конечно большую роль играли Бобчинскіе.

Отправка призыва (Франция.)

Какъ это ни звучитъ парадоксально, статья В. Шкловскаго, защищающаго футуризмъ, свидѣтельствуетъ прежде всего о разложеніи этого самаго футуризма.

Дѣло въ томъ, что героическій періодъ футуризма уже кончился. И тотъ фактъ, что его геройство длилось столь недолго (мы не успѣли еще со времени его появленія износить башмаковъ), говорить отнюдь не въ пользу новаго литературнаго теченія.

Сначала футуристовъ испугались. Хотѣли воздвигнуть цѣлую плотину, чтобы предохранить русскую литературу отъ футуристическаго наводненія. Но опытные люди скоро сообразили, что никакой опасности никому не грозитъ и никакой плотины не надо. Футуристическая вода свободно на насъ хлынула и никого не залила. Образовалась небольшая лужа въ низинахъ литературы, и въ ней заквакали лягушки. Вотъ и весь результатъ столкновенія стихій. Футуризмъ побѣжденъ.

Игорь Сѣверянинъ, правда, разѣзжаетъ по всей Россіи и въ Петроградѣ за одну нынѣшнюю зиму устроилъ семь поэзо-концертовъ. Если Плевницкая имѣетъ успѣхъ количественно куда большій, нежели футуристы, то качественно ея успѣхъ того же порядка. Футуристы не побѣдили, а просто слились съ толпой. „Отторгнутая возвратихъ“, какъ отчеканено на какой-то медали. И напрасно футуристы возомнили себя избранниками, необыкновенными людьми, борцами. Жизнь показала, что это невѣрно. Я не хочу сказать, что футуристы бездарны. Нѣтъ, они талантливы. Нѣкоторые даже исключительно талантливы. Но на одномъ талантѣ далеко не уѣдешь, а главное—ничего не создашь жизненнаго. Тутъ нуженъ талантъ особаго рода, другой консистенціи,

Представьте себѣ! Маринетти вмѣстѣ съ итальянскими футуристами (а ихъ наши доморощенные футуристы глубоко презираютъ) оставитъ въ жизни болѣе глубокии слѣды. Въ Маринетти много пошлости. Его футуризмъ—самый приказчиин, его идеалы не идутъ дальше торгово-промышленнаго имперіализма съ аэропланами и автомобилями. Но у итальянскаго футуриста есть одно цѣнное свойство: в о л я. Маринетти думаетъ не только о себѣ, а объ Италиі, о лучшемъ устройствѣ ея будущей жизни. Пусть это лучшее устройство, съ нашей точки зрѣнія, омерзительно,—важно, что Маринетти дѣйствительно борется за нѣчто „общее“. И это подкупаетъ.

За что же борются наши футуристы, чего хочетъ Игорь Сѣверянинъ, къ чему стремится Маяковскій?

Хотѣніе Сѣверянина настолько купое, что оно уже воплотилось. Имя его всѣ знаютъ, онъ „повсеградно озвученъ“. Всѣ поняли, что, есть ли футуризмъ, нѣтъ ли его, ничего не измѣнится, никому, рѣшительно никому не придется съ мѣстѣ сдвинуться, что нибудь имъ уступить. Наоборотъ, многіе радуются, что въ ихъ сѣренькой жизни прибавилось новое развлеченіе. Особенно теперь, когда спиртные напитки запрещены. Кафешантанъ безъ крѣпкихъ напитковъ—скука собачья. На поэзо-концертахъ можно провести вечеръ не скучая.

Такимъ образомъ, пока что, футуризмъ какъ общественно-литературное явленіе вовсе не существуетъ. Но, можетъ быть, въ „чистой“ литературѣ онъ занялъ свое опредѣленное мѣсто?

Нѣтъ, и здѣсь онъ остался безъ мѣста. Большинство футуристовъ печатается въ толстыхъ и не толстыхъ журналахъ, во всевозможныхъ „вечеркахъ“. Но изъ этого ничего

Французскій драгунъ.

не слѣдуетъ. Печатаются отдѣльныя стихотворенія отдѣльныхъ поэтовъ. Игорь Сѣверянинъ самъ по себѣ, Толмачевъ самъ по себѣ, Рюрикъ Ивневъ самъ по себѣ. Крученыхъ и Маяковский уже почти созрѣли для „Виржевки“. Футуризмъ тутъ не при чемъ, и для оправданія этого факта не надо никакихъ „предпосылокъ“.

Къ чему дѣйствительно сводятся „предпосылки“ г-на Шкловскаго? Что въ нихъ специально „футуристическаго“? Да всякии поэты, всякая литература всегда, во все время обогащала языкъ и создавала новое слово! Когда Николай Грець вмѣсто калошъ выдумалъ „мокроступы“, это оказалось неудачнымъ, но когда Карамзинъ „выдумалъ“ слово „переворотъ“, оно сразу привилось, и теперь даже забыли, кто „авторъ“ этого слова. А сколько словъ выдумалъ Лѣсковъ! Не оберешься! Говорятъ, что Хлѣбниковъ сидитъ за изученіями сравнительной грамматики, фонетики, дикарскаго фольклора и т. п. Ну, и пусть себѣ изучаетъ! Если онъ талантливъ, результатомъ его ученыхъ потугъ будетъ или научная диссертация, или обогащеніе русскаго литературнаго языка. Если же онъ сродни Грець,—кромѣ „мокроступовъ“, изъ его потугъ ничего не выйдетъ. До сихъ поръ Хлѣбниковъ не побѣдилъ Пушкина. И вовсе не потому, что онъ—футуристъ, а потому, что онъ, потому, что онъ... ну, просто, до невыносимости скученъ со своими „бры, кры и мры“...

Ужъ если защита сводится къ „предпосылкамъ“, къ историческимъ и лингвистическимъ справкамъ,—значитъ, дѣло обстоитъ плохо. Корабль течетъ и крысы съ него бѣгутъ. Что

крысы бѣгутъ—сознаетъ и самый умный органъ футуристовъ, „Очарованный Странникъ“. Последніе его номера полны „плачемъ на рѣкахъ Вавилонскихъ“. Плачь такой сильный, что журналъ придется назвать „Странникомъ Разочарованнымъ“.

Футуристы много потѣли, чтобы выдумать новыя слова, а вотъ любой биржевикъ выдумываетъ ихъ не потѣя. Телеграфируетъ изъ Баку въ Москву: „З е р б а“—это значитъ: „кушайте десять „Нобелей““; а когда телеграфируетъ въ Парижъ: „Т о л б а“—это значитъ: „кушайте акціи „Рю-Тинто““. Или зайдите ночью въ редакцію любой газеты: „Это отъ нашего или пта?“—спрашиваетъ редакторъ, далекий отъ всякаго футуризма. И ему отвѣчаютъ: „П т а“—т. е. телеграмма не отъ нашего корреспондента, а отъ Петроградскаго телеграфнаго агентства. Что лучше, все эти „пта, зербы и толбы“, вообще волапуки и эсперанто, или „мры, гры, пры“ Крученыхъ? Право, не знаю. Оба хуже.

Во всякомъ случаѣ не стоитъ потѣть, изучать фольклоръ готтентотовъ и сравнительную грамматику Вюппа, чтобы поражать посѣтителей „Бродячей собаки“, нынѣ уже покойной.

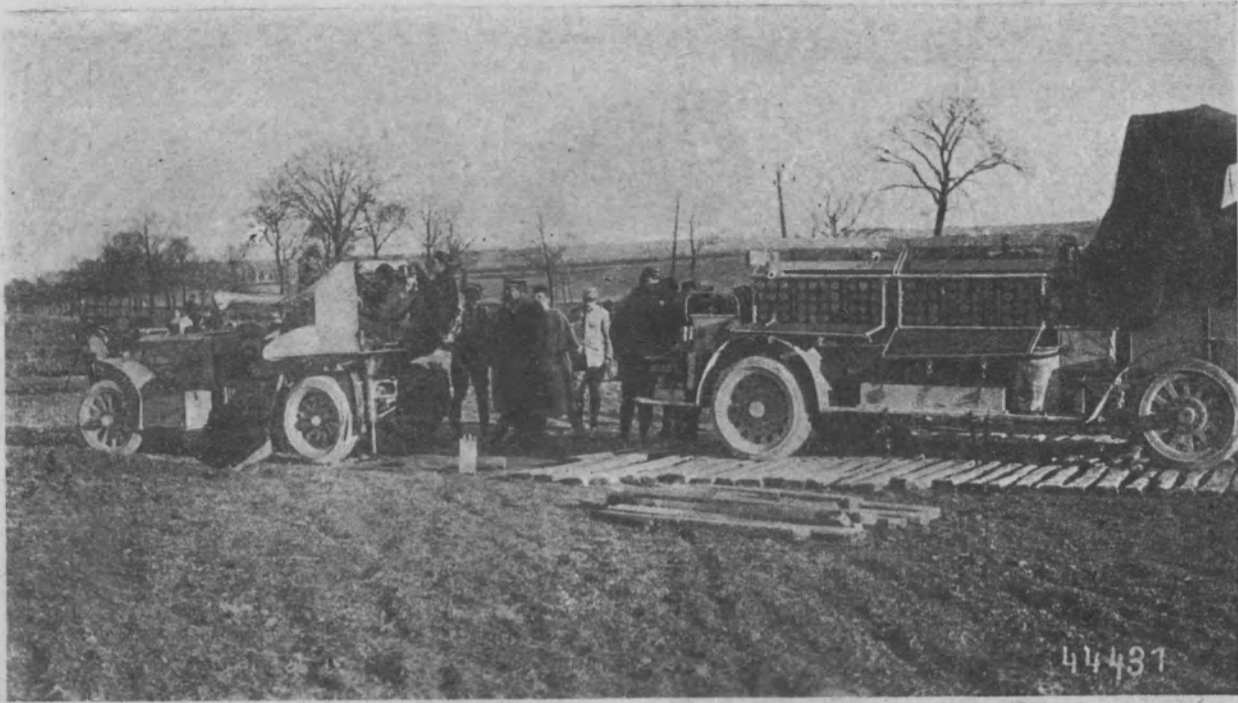
Итакъ, Шкловскій, по моему, не защитилъ футуристовъ. Онъ просто написалъ интересную статью о своеобразной жизни языка, его внутреннихъ таинственныхъ законахъ.

Изъ Шкловскаго можетъ выйти талантливый поэтъ или талантливый ученый.

Но при чемъ тутъ футуризмъ?

Д. Философовъ.

Защита Парижа отъ цепенлиновъ.

В. ШКЛОВСКИЙ.

ПРЕДПОСЫЛКИ ФУТУРИЗМА.

I.

Судьба произведеній старыхъ художниковъ слова такова же, какъ и судьба самаго слова. Они совершаютъ путь отъ поэзи къ прозѣ. Сейчасъ языкъ нашъ—кладбище словъ, но когда-то слова жили, и жили поэтической жизнью. Каждое слово въ основѣ—образъ, напримѣръ слово „горе“ заключало въ себѣ представленіе чего-то жгучаго, горячаго. Но постоянное употребленіе въ обыденной рѣчи сгладило вѣшнюю (звуковую) и внутреннюю (образную) форму слова.

Искусство, борясь за душу свою—конкретность (Карлейль), подновило образную сторону слова эпитетомъ; появились выраженія: „бѣлый свѣтъ“, „грязи топучія“, „удалой боецъ“; но эпитетъ, становясь постояннымъ, переставалъ переживаться и, какъ потеря образной стороны слова сказывается въ выраженіяхъ „красныя чернила“, „сѣрая бѣлка“, „паровая конка“, такъ окаменѣніе эпитета сказалося въ томъ, что его стали употреблять некстати, напримѣръ въ сербскомъ эпосѣ къ слову „руки“ постоянный эпитетъ—„бѣлыя“, и „бѣлыми“ руки оказываются даже у арапа; или въ русской пѣснѣ:

«Ты гори, гори, свѣчка сальная,
Свѣчка сальная, воску яраго».

Здѣсь эпитетъ окаменѣлъ до безсознательности. Но вѣдь исторія эпитета—это исторія поэтическаго стиля въ сокращенномъ изданіи (Александръ Веселовскій). Сейчасъ окаменѣли цѣлыя произведенія. Стеклою бронюю привычности

покрылись для насъ произведенія классиковъ, мы слишкомъ хорошо помнимъ, мы слышали съ дѣтства, бросали отрывки изъ нихъ въ бѣглою рѣчи, и теперь для меня цитаты изъ Пушкина—то же, что возгласъ „ше Hercules“ для римлянина-христианина. А когда мы узнали, какъ группа пушкинцевъ (1912 г.) искала въ Евгѣнѣ Онегинѣ, тысячу разъ прочитанномъ ими, фразу Карамзина „смѣяться, право, не грѣшно надъ тѣмъ, что кажется смѣшно“, то мы видимъ, что они дошли до того состоянія, въ которомъ бываютъ, по словамъ Станиславскаго, зазубрившіеся артисты: они однимъ духомъ говорятъ свою роль, но не могутъ пересказать ея содержанія. Многие знаютъ, какъ трудно найти „у Пушкина“ опечатку или ошибку въ пятировкѣ его, ошибки проскальзываютъ въ магистерскія и докторскія диссертациі и часто ихъ не замѣчаютъ цѣлыя группы ученыхъ специалистовъ. Пожалѣйте Пушкина. Дайте ему умереть на время, чтобы ожить. И не противопоставляйте такъ самонадѣянно старое искусство, про которое мы не знаемъ, живо ли оно,—новому. И жаль, что никто не собиралъ еще неправильно и некстати приведенныхъ цитатъ, а матеріалъ любопытный. На постановкахъ драмы футуристовъ публика кричала: „Сумасшедшіе“, „Палата № 6“!—и газеты регистрировали эти вопли съ наслажденіемъ, а между тѣмъ весь замыселъ „Палаты № 6“ въ томъ, что туда посаженъ мѣщанами не сумасшедшій докторъ, здоровый болѣе здоровыхъ. Такимъ образомъ это произведеніе Чехова было притянута съ точки зрѣнія кричавшихъ совершенно некстати. Мы здѣсь наблюдаемъ ока-

менѣю цитату, которая доказываетъ то же, что и окаменѣлый эпитетъ,—отсутствие переживанія:

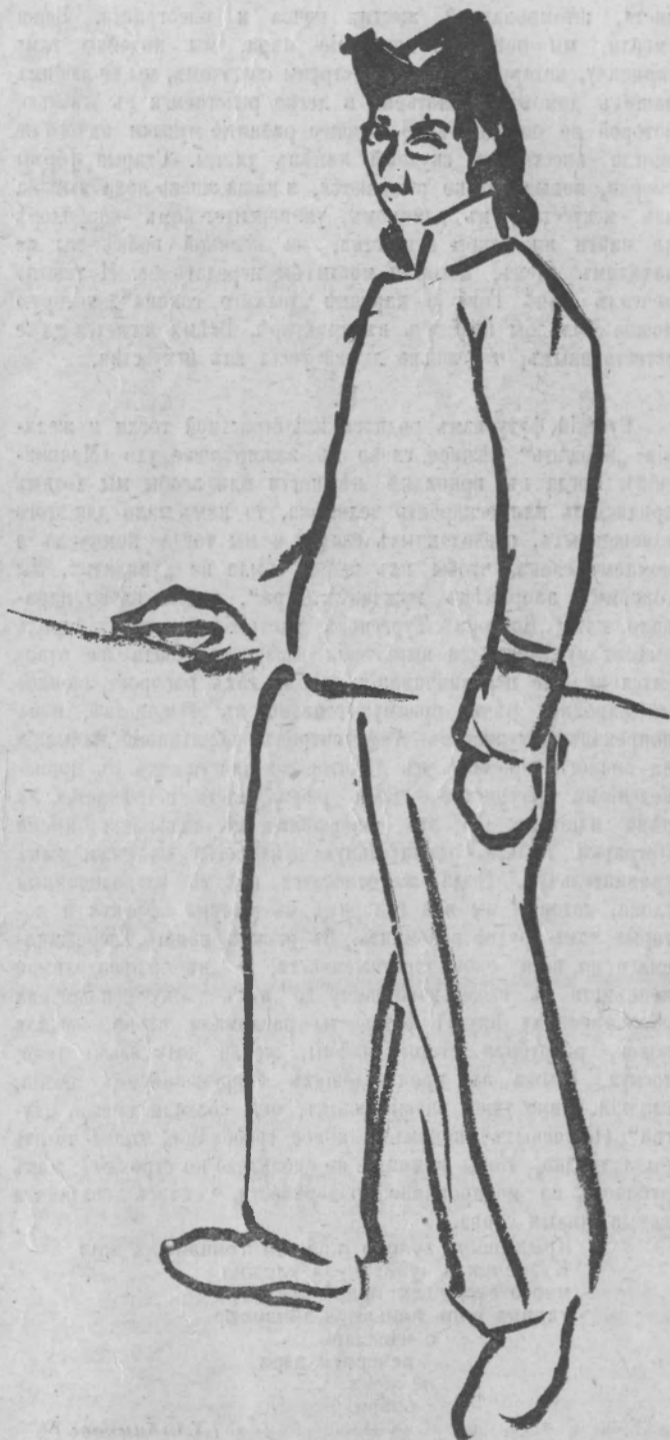
«Ты гори, гори, свѣчка сальная,
Свѣчка сальная, воску яраго».

Вжиться въ старое искусство часто прямо невозможно; поглядите на книги прославленныхъ знатоковъ классицизма, какія пошлыя виньетки, снимки съ какихъ упадочныхъ скульптуръ помѣщаютъ они на обложкахъ. Недаромъ такъ скептически отзывается творецъ исторической поэтики, проф. Александръ Веселовскій, о возможности при помощи изучения вернуть суггестивность (подсказываніе) старому искусству. Родѣнь, копируя годами греческихъ классиковъ, долженъ былъ прибѣгнуть къ измѣренію, чтобы понять, что именно ускользаетъ въ его передачѣ: оказалось, что онъ все время лѣпилъ ихъ слишкомъ тонкими, онъ повторилъ ту ошибку, на которую въ работахъ своихъ учениковъ жалуются преподаватели въ художественныхъ школахъ.

Выйдите на улицу, посмотрите на дома, какъ примѣнены въ нихъ формы стараго искусства,—вы увидите странныя вещи (напримѣръ домъ Мертенса на Невскомъ, постройки архитектора Лелевича).

На столбахъ лежатъ полуциркулярныя арки, а между пятами ихъ введены перемычки, рустованныя какъ плоскія арки; вся эта система сверху придавлена еще однимъ этажемъ и имѣетъ распоръ на стороны, съ боковъ же никакихъ опоръ нѣтъ; получается такимъ образомъ полное впечатлѣніе, что домъ разсыпается и падаетъ; эта архитектурная нелѣпость, незамѣчаемая ни широкой публикой, ни критикой,—про домъ писали Александръ Бенуа и Лукомскій,—не можетъ въ данномъ случаѣ быть объяснена невѣжествомъ или бездарностью архитектора. А между тѣмъ въ ту пору, когда арка была еще искусствомъ, ее выводили на глазъ, по чутью, безъ вѣснаго, и теперь ее только провѣряютъ расчетомъ и видятъ, что она сдѣлана безупречно (Тэнъ. „Объ умѣ и познаніи“). Очевидно дѣло въ томъ, что форма и смыслъ арки, какъ форма колонны, не переживается, что доказывается тѣмъ, что она примѣняется такъ же нелѣпо, какъ нелѣпо примѣненіе окаменѣлаго эпитета „моя вѣрная любовь“ къ тому случаю, когда дѣло именно идетъ о невѣрной любви въ старой англійской балладѣ. Постѣ такихъ наблюденій, какъ-то странно выглядятъ безчисленныя воспроизведенія памятниковъ древней архитектуры, затемняющія стѣны нашихъ выставокъ.

Широкія массы довольствуются рыночнымъ искусствомъ, но рыночное искусство показываетъ смерть искусства. Искусство заключено въ выставки, въ особенныя, дорогія книги и сепарировано отъ жизни: оно обратилось въ какую-то слишкомъ нарядную игрушку, которой нельзя играть. Когда-то говорили другъ другу при встрѣчѣ „здравствуйте“; теперь умерло слово, и мы говоримъ другъ другу „ассте“. Ножки нашихъ стульевъ, рисунки матерій, орнаменты домовъ, скульптуры Гинзбурга и многихъ другихъ, картины тысячи художниковъ говорятъ намъ „ассте“; такъ, орнаментъ не сдѣланъ, онъ рассказанъ, рассчитанъ на то, что его не увидятъ, а узнаютъ и скажутъ, что это — „то самое“. Все дѣлается съ расчетомъ на какую-то тупую невнимательность къ вещамъ, къ жизни. Вѣка живого, а не ретроспективнаго пассаентическаго, искусства не знали, что значить базарная мебель. Въ Ассиріи шесть солдатской палатки, въ Греціи статуя Гекубы, охряпательницы помойной ямы, въ нашей деревнѣ еще недавно гребень для чесанія льна, въ средніе вѣка орнаменты, послуженные такъ высоко, что ихъ не разсмотрѣть хорошенько, все это было „сдѣлано“, все рассчитано на влюбленное разсматриваніе. Рыночное искусство создала не фабрика, а смерть

Л. Квятковскій. Набросокъ съ натуры.

старыхъ формъ искусства. Когда въ XVII вѣкѣ въ Россіи развилась рыночная иконопись и „на иконахъ отъ неискреннихъ иконописцевъ появились такія неистовства и нелѣпости, на которыя даже смотрѣть не подобало доброму христіанину“, это означало, что старыя формы русской иконописи умерли. Сейчас искусство бѣжало даже изъ общественныхъ зданій. Пропало чувство матеріала, мы живемъ въ вѣкъ цинковаго

листа, штампованной жести, гипса и олеографии. Вещи умерли, мы потеряли ощущение мира, мы подобны тому скрипачу, который не осязает струны смычком, мы не любим наших домов и платьев и легко расстаемся с жизнью, которой не ощущаем. Блестящее развитие музыки ничего не смогло внести в скудный напѣвъ улицы. Старья формы умерли, новья только рождаются, и наша жизнь пока выпала изъ искусства; въ длинномъ университетскомъ корридорѣ не найти ни искры искусства, на великой войнѣ мы не находимъ словъ, которыя могли бы передать ее. И тщетно мечталъ Ванъ Гогъ о картинѣ „рыжого солнца“, которую можно было бы повѣсить въ трактирѣ. Всѣмъ кажется даже естественнымъ, что жизнь людей ушла изъ искусства.

II.

...Русскій футуризмъ родился изъ страстной тоски и желанія „вложить“ нѣжное слово въ зажирѣвшее ухо (Маяковский). Когда въ припадкѣ нѣжности или злобы мы хотимъ приласкать или оскорбить человѣка, то намъ мало для этого изношенныхъ, обглоданныхъ словъ, и мы тогда комкаемъ и ломаемъ слова, чтобы ихъ нельзя было не „увидать“. Мы говоримъ напримѣръ мужинѣ „дура“, чтобы слово царапало, или („Контора“ Тургенева) употребляемъ женскій родъ вмѣсто мужского для выраженія нѣжности. Сюда же относится явление переименованія словъ, такъ распространенное въ народной рѣчи, преимущественно въ мѣщанствѣ, какъ попрекалъ футуристовъ Амфитеатровъ, обратившій внимание на аналогию приемовъ въ нѣкоторыхъ частушкахъ съ произведеніями футуристовъ. Въдѣ рифма часто встрѣчается въ рѣчи идіотовъ, но это совершенно не задѣваетъ имени Петрарки. Нельзя сравнительную психологию понимать какъ уравнивательную. Сюда же относятся всѣ тѣ изуродованныя слова, которыя мы всѣ говоримъ въ минуты аффекта и которыя такъ трудно вспомнить. Въ жаждѣ новаго, переживаемого во всей своей протяженности, и „въ непреодолимой ненависти къ существовавшему до нихъ языку“ (пощечина общественному вкусу) футуристы разломали слово, создали новое, разрубили старья рифмы, желая дать языку лицо; тоскуя, слыша въ произведеніяхъ современниковъ легкіи, сладкіи, мимо ушей идущій языкъ, они создали новый, „тугой“ (Крученыхъ), появилось новое требование, чтобы читать было трудно, чтобы внимание не скользило по строкамъ, какъ рубанокъ по полированной поверхности. Сейчасъ создаются новья живья слова.

Крылышка золота письмом тончайших жил
Кузнечик в кузов пуза уложил
много верхушек прирѣчных вѣр
тарара пипъ пинькнул зинзивѣр
о нѣждарь
вечерней зари
не ждал
озари.

(Х. Мельниковъ.)

Этотъ языкъ непонятенъ, труденъ; это нельзя читать, какъ читаютъ газету, онъ непохожъ даже на русскій, но мы слишкомъ привыкли ставить понятность непремѣннымъ требованиемъ поэтическому языку. История искусства показываетъ намъ, что — по крайней мѣрѣ часто — языкъ поэзии — не понятный, а полупонятный; такъ, часто дикари поютъ или на архаическомъ языкѣ, или на чужомъ, иногда настолько непонятномъ, что запѣвалъ приходится переводить и объяснять хору и слушателямъ значеніе имъ тутъ же сложенныхъ пѣсней. (Веселовскій, три главы изъ „Исторической поэтики“; Гроссе, „Происхождение искусства“.) Религиозная поэзия почти вслѣдъ народовъ написана на такомъ полупонятномъ

языкѣ. Церковно-славянскій [который никогда не былъ русскимъ разговорнымъ (Шахматовъ)], латинскій, сумерійскій, умершій въ XX вѣкѣ до Р. Х. и употреблявшійся, какъ религиозный, до III в. Я. Гриммъ, Гофманъ, Гебель отмѣчаютъ, что народъ часто поетъ не на диалектѣ, а на повышенномъ языкѣ, близкомъ къ литературному; пѣсенный якутскій языкъ отличается отъ обиходнаго такъ же, какъ славянскій отъ нынѣшняго разговорнаго (Короленко, „Атъ-Даванъ“). Арно Даниель съ его темнымъ стилемъ, затрудненными формами искусства [„schwere Kunstmanier“ (Diez)] и жесткими формами, полагающими трудности при произношеніи (Diez, „Leben und Werke der Troubadours“), — „dolce stil nuovo“ (XIII вѣкъ у итальянцевъ), все это полупонятные, часто искусственно затрудненные языки. Аристотель въ поэтикѣ (гл. 23) совѣтуетъ придавать языку характеръ чужестраннаго. Отсюда ясна связь приемовъ поэзии футуристовъ съ приемами общаго языковаго мышленія. Сейчасъ происходитъ, такъ сказать, канонизація уже прежде существовавшаго приема, вводимаго теперь въ сферу „искусства“ въ узкомъ смыслѣ этого слова. Такъ, рифма, существованіе которой доказано теперь въ самую древнюю эпоху, была введена въ литературу только въ началѣ среднихъ вѣковъ, когда появилась необходимость подновить слышномъ стершійся, уже непереживаемый размѣръ.

Весьма интереснымъ явленіемъ въ футуризмѣ являются вещи, написанныя на такъ называемомъ „заумномъ“ языкѣ. Это — не общій языкъ понятій, а языкъ, такъ сказать, личный, гдѣ слова не имѣютъ опредѣленнаго значенія и должны дѣйствовать непосредственно на эмоцію, напримѣръ:

«Го, оснѣг канд дыр буръ шил» [Крученыхъ],

или несомнѣнно болѣе художественное стихотвореніе Гуро:

«Это ли? Нѣтъ ли!
Хвои шуютъ шуютъ
Анна, Марія, Лиза, нѣтъ
Это ли? Озеро ли
Лулла лолла лалла лолла лу
Тере — дере ху
Хвои шуютъ шуютъ».

Публика приняла эти вещи какъ чистое издѣвательство, между тѣмъ такой языкъ существуетъ. Мы знаемъ, что звуки вызываютъ каждый свои специфическія эмоціи (Grammont, Maug, „Le vers français“, 1913), что звуки „и“ и „у“ задумчивы и мрачны (Вячеславъ Ивановъ) и что поэтому бессознательно въ мрачныхъ вещахъ особое ихъ скопленіе, что звуки „ч“ и „щ“, преобладающіе напримѣръ въ „Анчарѣ“ Пушкина, придаютъ ему особо мрачною строеніе. Строго говоря, явленіе заумнаго языка лежитъ внѣ предѣловъ языка, какъ таковаго, но это не доказываетъ еще, что оно лежитъ внѣ предѣловъ искусства. Веселовскій и Овсяннико-Куликовскій отмѣчаютъ, что лирическая поэзия, дѣль которой не создавать образы, а вызывать эмоціи, появилась еще въ „до-человѣческой“, до-язычной древности (Овсяннико-Куликовскій). Веселовскій отмѣчаетъ, что при первомъ появленіи поэзии языкъ былъ на первыхъ порахъ, такъ сказать, приемлемъ. „Заумный языкъ“, какъ явленіе искусства, существуетъ. Русскіе сектанты пюють:

«Савитраи само
Капиласга гондра
Даранта мандра
Сункара пурта
Майя дивы луга».

(Записано Мельниковымъ.)

Лопарскія пѣсни рассчитаны только на звуковой эффектъ. Всѣ знаютъ дѣтскія пѣсенки родѣ:

Л. Квятковский. „Гибель Надежды“. Бонь. (И. В. Лазаревъ.)

— Женихъ?
— Хворый... поколдуемъ—пустимъ кровь.
„Лечить будутъ!.. Колдунъ съ Ивакши!..—подумалъ Титко, щупая стѣны, теплыя доски:—байна.. мѣсяць пекеть“.
Оглянулся—въ углу въ кувшинѣ горитъ бѣлый огонь.
По банѣ ходить охотникъ съ бѣлосой бородой. Слова шепчетъ, льетъ изъ шайки на каменку.
— Не оченно ты... паромъ стунить!
Титку никто не отвѣчаетъ, а за окномъ зовутъ:
— Ти-и-тко-о!
Титку пріятно, тепло. Сквозной, какъ паутина, по банѣ беззвучно ходить кто-то. Титко думаетъ:
„Ози... не приду“.
Свѣтъ мѣсяца въ окнѣ померкъ. Вотъ сверкнулъ какъ будто ножъ, сѣдлалось больно въ груди, и вскрикнулъ Титко: „Ай, что-тъ!“. Стало легко, хотя во рту Титко почувствовалъ кровь—онъ ее зналъ и застоналъ: „А-а-а!“... Опять кто-то строго сказалъ:
— Отойди! въ лѣсу шла!..
Титко обрадовался и шепотомъ позвалъ:
— И-иди!
— Чуръ, не цѣлуй!—сказалъ голосъ.
Титко широко раскрылъ глаза и радостно заговорилъ:

— Вотъ какая ты? Укрылась за лѣсинье—зачѣмъ волосы гноишь? цвѣты въ котыняхъ... замятовалъ... сказать думалъ что..
Сердце больно забилось, потемнѣло въ глазахъ.
— Что? ахъ, я!..
Титко зналъ, что сказать, и понималъ, что говорить не то, но не находилъ словъ и торопился оттого, что въ глазахъ темнѣло, и ликъ красавицы, склоненный надъ нимъ, таялъ.
— Она пойметъ, выстану, пойду за ней..
Подходящее, нужное слово Титку мѣшалъ найти голосъ за окномъ:
— Тко-о-о!
— Заклекнись, Ивашко!..
Титко сжалъ зубы, силился раскрыть глаза и все больше терялъ во мглѣ лицо красавицы съ болотными лилиями въ волосахъ.
— Выстать надо!..
Попшевелилъ рукой—не подымается, пробовалъ поднять голову—не могъ.
— Опъ... опъ, Околдовалъ!
А далеко изъ-подъ земли услыхалъ еще:
— А-а-а-тъ!

А. Чапыгинъ.

С. АНДРЕЕВСКИЙ.

КАРСАВИНА.

Любя всё виды искусства, наблюдая его во всевозможных сферах, я между прочим когда-то чуть не считался „балетоманом“! Дель-Эра, Цукки, стихотворная полемика съ К. Скальковским (прибывшим для возражений къ стихамъ В. П. Буренина), мои куплеты Кпеснянской, все это уже—„архив“.

Наступил внезапно большой перерыв...

Вдруг обозначилось восхождение Павловой. Я опять увлекся. У меня возникла цѣлая литература объ этой гениальной артисткѣ.

И вотъ, совершенно случайно, я пропустилъ Карсавину. Видѣлъ ее почти дѣвочкой, принадлежавшею къ кордебалету. Помнится, иногда она сидѣла въ креслахъ Павловой, любясь этой „восходящей звездой“...

Такимъ образомъ вся слава Карсавиной прошла мимо меня. И только въ этомъ году я удосужился во что бы то ни стало взглянуть на нее и досталъ билетъ на ея послѣднее выступленіе въ сезонѣ. Спектакль состоялъ изъ двухъ отдѣленій: I. Балетъ „Тщетная предосторожность“ (Карсавина) и II. „Шопениана“ (Фокинъ).

Начался наивный старый балетъ, съ несложной музыкой, дѣтской буффонадой и труднѣйшими номерами разнообразныхъ танцевъ. Насколько я читалъ и слышалъ, главною прелестью Карсавиной считались сюжеты чисто-лирическіе, — роли мечтательныя. А здѣсь героиней была шаловливая проказница, съ невиннымъ сердцемъ. Удастся ли ей это?..

И однако съ перваго появленія на сценѣ Карсавина обнаружилъ поистинѣ виртуозный комизмъ. Искры юмора такъ

засверкали на ея лицѣ, полуспрыганномъ высокимъ чепчикомъ, что въ залѣ сразу послышался смѣхъ. И тутъ же она пробѣжала по сценѣ на такихъ безукоризненныхъ „пунтахъ“, что насчетъ техники самыя придирчивыя критики должны были бы поставить ей высшую отмѣтку.

Въ нѣкоторыхъ газетахъ писали, что Карсавина уклонилась отъ традиціи, что она слишкомъ обострила и чуть ли не шаржировала роль, созданную въ скромномъ и сдержанномъ рисункѣ стараго стиля. Нѣтъ. Здѣсь было настоящее, искреннее творчество. Здѣсь наблюдалось такое богатство художественныхъ деталей, что у меня часто вырывалось невольное „браво“, подхватываемое во всѣхъ уголкахъ театра.

Въ техническихъ выступленияхъ, вмѣстѣ съ Карсавиной, участвовали лучшія, заслуженныя солистки труппы, и все же техника Карсавиной блистала, такъ сказать, „въ конкурренціи“.

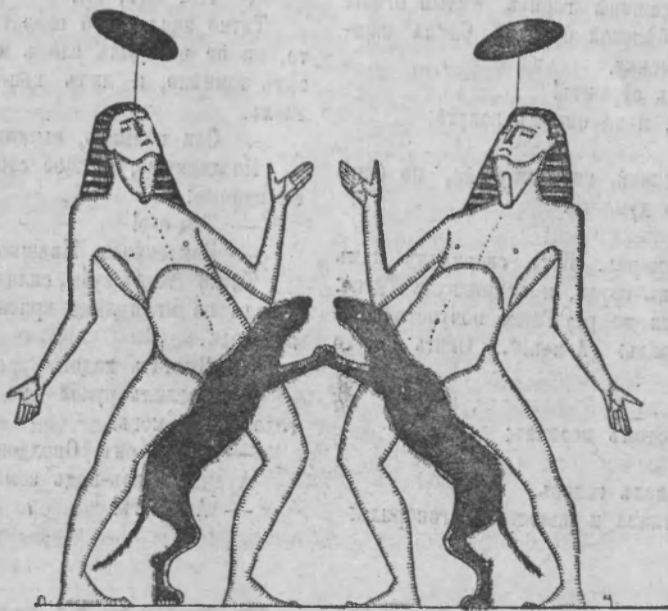
Отмѣчаю, что спектакль былъ въ нѣкоторомъ отношеніи пикантнымъ... Въ немъ соединились только что прошумѣвшіе въ газетахъ враги — Карсавина и Фокинъ, оба чрезвычайно талантливые.

Но Фокинъ болѣзненно-чувствителенъ. Какъ „новаторъ“, онъ часто бываетъ нетерпимъ.

Послѣ первой части спектакля Карсавина ушла. Началась „Шопениана“, гдѣ Фокинъ былъ, въ свою очередь и по-своему, прекрасенъ.

Оба артиста имѣютъ свое особое, большое мѣсто въ искусствѣ.

С. Андреевскій.

Т. П. Карсаина.

ЛЕОНИДЪ ГАЛИЧЪ.
TERROR ANTIQVUS.

Посвящается Л. В.

Прологъ.

И опять, покинувъ старый берегъ,
Въ пустоту стремятъ меня мечты,
Гдѣ цвѣтутъ несозданныхъ Америкъ
Ядовито-знойные цвѣты.

Не цвѣты—лазурныя калила,
Что струять и гибель, и порокъ:
Тамъ душа когда-то уронила
Голубой невинности цвѣтокъ.
Онъ возросъ на сладострастномъ ложѣ,
Онъ впиталъ неизъяснимый бредъ
И пьянитъ, качаясь у подножьи
Всѣхъ безумствъ, падений и побѣдъ.

Царица-Смерть.

У ручья, звенящаго въ пустынь,
Въ раскаленномъ воздухѣ грѣха
Черныя огромныя рабыни
Разстилаютъ пестрые мѣха.
Какъ столбы, ихъ бронзовыя ноги,
Страшны мышцы исполинскихъ рукъ,
И пророчить въ небѣ серпъ двурогий
Часъ послѣднихъ, часъ любовныхъ мукъ.

Вотъ къ мужамъ сразиться въ поединкѣ
Рыжая царица подошла.
Какъ хрупки въ объятыхъ исполинки,
Какъ блѣдны ихъ тонкія тѣла!

Рыжая огромная тигрица,
Ты влечешь на сладострастный мѣхъ;
Чей чередъ неслышанно томиться
Для твоихъ изысканныхъ угѣхъ?
Чей чередъ властительныхъ объятій
Испытать несокрушимый плѣнъ,
Трепеша при мысли о расплатѣ
У твоихъ атласистыхъ колѣнъ?
Ты сама его насытишь страстью,
Одурманишь хищной наготой—
Пусть умретъ въ угѣху самовластью
Подъ твоей безжалостной пятой.

И когда надъ маревомъ пустыни
Заалѣетъ ласково востокъ,
Черныя огромныя рабыни
Будутъ рыть зардѣвшійся песокъ.
Будутъ рыть, упрямо сдвинувъ брови,
Трепеща отъ зависти тупой,
Попирая лужи алой крови
Черною лоснящейся стопой.

На разсвѣтъ выпускные съ пѣснями выходятъ изъ сада и провожаютъ Льва Карловича до его квартиры.

Здѣсь происходитъ трогательное прощаніе.

Левъ Карловичъ цѣлуется съ выпускными, плачетъ, выпускные его „качаютъ“ и не расходятся до тѣхъ поръ, пока въ окнѣ не появляется включенная, заспанная голова отставного коллежскаго регистратора Гуцалова.

На другой день Левъ Карловичъ просыпается поздно, долго, мучительно кашляетъ и покорно выслушиваетъ ворчанье своего квартирохозяина.

— Не приличествуетъ вамъ, Левъ Карловичъ,—брюзжить Гуцаловъ,—пьянствовать съ молодыми людьми. Естественно, это подрываетъ вашъ педагогическій авторитетъ и можетъ послужить соблазнительнымъ примѣромъ для подрастающаго поколѣнія.

— Но это одинъ разъ въ каждый годъ,—робко возражаетъ Левъ Карловичъ.

— Дѣло не въ количествѣ,—не соглашается съ нимъ Гуцаловъ, человекъ очень строгихъ житейскихъ правилъ,—дѣло не въ количествѣ. Во всякомъ случаѣ одобрить вашего поведения отнюдь не могу.

II.

Лѣтомъ Левъ Карловичъ и Гуцаловъ ловятъ рыбу въ мелкой, быстроходной рѣчкѣ, которая узкой тесьмой опоясываетъ городъ.

— Въ этой рѣчкѣ я наблюдаю много красоты,—восторженно улыбается Левъ Карловичъ, вытирая клѣтчатымъ носовымъ платкомъ потный морщинистый лобъ.

Гуцаловъ нехотя отрываетъ взглядъ отъ поплавка и, строго взглянувъ сквозь роговые очки на Льва Карловича, отвѣчаетъ:

— Весьма удивительно, что, живя столь долгое время въ Россіи, вы не можете научиться правильно говорить по-русски.

— Я есть русский,—обиженно возражаетъ Левъ Карловичъ,—а вы строите мнѣ невыносимыя придирки.

— Вы есть нѣмецъ,—въ тонъ ему говоритъ Гуцаловъ.

Левъ Карловичъ молча складываетъ свою удочку и, сердито намурившись, уходитъ съ ней на сосѣдній пригорокъ.

Тамъ онъ ложится на сочную, густую траву и внимательно разсматриваетъ бѣгающихъ по землѣ букашекъ.

Солнце поднимается все выше и выше, толстый Гуцаловъ низко опускаетъ мясистую, потную голову и начинаетъ сладко всхрапывать.

Левъ Карловичъ, хитро улыбаясь, спускается съ пригорка, крадучись подходит къ Гуцалову и кричитъ надъ его ухомъ:

— Клюеть!.. Клюеть!.. Какой вы не наблюдательный!..

Толстая спина Гуцалова вздрагиваетъ, сквозь очки онъ съ недоумѣніемъ смотритъ на Льва Карловича, потомъ сердито говоритъ:

— Ваши шутки неумѣстны, сударь.

Вечеромъ они сидятъ у открытаго окна, пьютъ чай и дружелюбно бесѣдуютъ.

Гуцаловъ на все смотритъ чрезвычайно мрачно и не одобряетъ радужныхъ воззрѣній Льва Карловича.

— Пьянство и развратъ ведутъ человѣчество къ вырожденію и несомнѣнной гибели, примѣромъ чему можетъ служить, сударь, безпечная Франція. Но—увы!—грядущія судьбы Россіи также не сулятъ ничего хорошаго. Россія погибаетъ отъ чрезмернаго употребленія алкоголя и...

— Не слѣдуетъ становиться унылыми,—перебиваетъ Гу-

цалова Левъ Карловичъ,—Россія есть большая сила, она только сама себя не понимаетъ.

Въ это время у окна появляется вихрастая голова уличнаго мальчишки, и онъ выпаливаетъ фразу, сочиненную неизвестнымъ поэтомъ:

— „Нѣмецъ, перецъ, колбаса,

А Гуцаловъ—

Первый изъ нахаловъ“.

Вихрастая голова моментально исчезаетъ и съ гиканьемъ мчится по пустынной улицѣ, поднимая босыми ногами сѣрыя тучи пыли.

— Я тебѣ, негодяю, уши оторву,—вопитъ Гуцаловъ, высу-

Виставка трофеевъ въ Кіевѣ.

нувшись въ окно и грозя вслѣдъ исчезающему за поворотомъ мальчишкѣ волосатымъ, краснымъ кулакомъ, а Левъ Карловичъ, не переваривающій первой строки злополучнаго стихотворенія, сердито добавляетъ:

— Надо хватать уши, скверный безобразникъ!

III.

Въ юлѣ идутъ ядреные, частые дожди.

По небу, приходя неизвестно откуда, лѣнливо бродятъ несмѣтные стада огромныхъ животныхъ, грызутъ другъ друга, и изъ ранъ течетъ на землю свѣтлая, прозрачная кровь.

Дожди покрываютъ лакомъ пыльные улицы городка, и

густая, глубокая грязь ярко блестит под солнечными лучами.

Левъ Карловичъ сидитъ въ кабинетѣ и пишетъ письмо своему школьному пріятелю Альдингеру, который живетъ тамъ, въ далекой Германіи.

Родину Левъ Карловичъ помнитъ очень смутно, какъ будто онъ видѣлъ ее во снѣ.

Газеты теперь полны тревожными, волнуемыми слухами, и въ Германіи неспокойно.

„Сообщи мнѣ все подробно, дорогой Фридрихъ Оттоновичъ“,—пишетъ Левъ Карловичъ.

Въ комнату входитъ Гуцаловъ и нервно, срывающимся голосомъ сообщаетъ:

— Ваши-то нѣмцы войну Россіи объявили. Нами кормились, проклятые, а теперь нашу же кровь хотятъ пить.

— Какъ?—вскакиваетъ со стула Левъ Карловичъ.

— Да такъ,—съ раздраженіемъ говоритъ Гуцаловъ,—войну объявили. Русскимъ языкомъ. Кажется, вамъ говорю. Хотя вы по-русски плохо понимаете.

Левъ Карловичъ подходитъ къ нему и, задыхаясь отъ волненія, отвѣчаетъ:

— Я есть русский подданный. Вы не имѣете права...

— Ладно ужъ,—злобно усмѣхается Гуцаловъ,—всѣ вы—русскіе подданные.

И, громко хлопнувъ дверью, выходитъ изъ комнаты.

Левъ Карловичъ хочетъ закурить папиросу, но руки дрожать и спичка не зажигается.

Въ вискахъ стучатъ маленькіе, острые молоточки, и мысли разбѣгаются быстро-быстро, и очень трудно поймать ихъ.

IV.

Теперь каждый знаетъ, что Левъ Карловичъ—нѣмецъ.

Съ необъяснимо-жуткимъ чувствомъ идетъ Левъ Карловичъ въ гимназію.

Въ классѣ непривычная тишина, и гимназисты съ любопытствомъ смотрятъ на Льва Карловича, какъ будто видятъ его первый разъ въ жизни.

Съ послѣдней парты поднимается бѣлобрысый, веселый Сидорчукъ и дѣлочно-серьезно спрашиваетъ:

— Вы гдѣ сегодня будете обѣдать, Левъ Карловичъ?

— Обѣдать?—не понимая его вопроса, переспрашиваетъ Левъ Карловичъ,—дома я буду обѣдать.

— А мы думали, что въ Парижѣ.

И сразу поднимаются неистовый, восторженный ревъ, пронзительный свистъ и топотъ.

Левъ Карловичъ багровѣетъ и, какъ всегда, въ силу привычки, кричитъ:

— Вигонимъ и запишимъ!

Но магическая фраза не оказываетъ своего дѣйствія.

Ревъ усиливается, и до Льва Карловича долетаютъ отдѣльные, обидные выкрики.

Когда стихаетъ ревъ, онъ открываетъ учебникъ и начинаетъ читать.

— Къ черту нѣмецкіи языкъ,—кричитъ кто-то съ послѣдней парты, и снова поднимается дикій, неистовый ревъ.

— Я буду жаловаться господину директору,—кричитъ Левъ Карловичъ и выбѣгаетъ изъ класса.

Директоръ сухо выслушиваетъ его жалобу и, обходя съ нимъ классы, сдержанно говоритъ ученикамъ о необходимости попрежнему учиться нѣмецкому языку.

Уроки идутъ въ напряженной, тяжелой атмосферѣ, и осунувшіяся, сразу постарѣвшій Левъ Карловичъ испытываетъ во время ихъ жуткую, гнетущую тоску.

Со страхомъ произноситъ онъ нѣмецкія слова, и чудится ему, что каждое слово таитъ въ себѣ новый, зловѣщій смыслъ.

Онъ старается какъ можно скорѣе уйти изъ гимназіи и дома безвыходно сидитъ въ своей комнатѣ, плотно закрывъ дверь.

По ночамъ ему не спится, и онъ думаетъ.

Думаетъ о томъ, какъ жестоки люди, жестоки даже дѣти, что онъ—всѣмъ здѣсь чужой и что вообще у него нѣтъ родины, нѣтъ близкихъ.

Отъ этихъ безысходныхъ мыслей удушливая боль охватываетъ все существо Льва Карловича, и ему хочется плакать долго и протяжно, выплакать все горе, все свое одиночество, всю непонятность.

Вечеромъ въ комнату Льва Карловича входитъ Гуцаловъ и насупившись отрывисто говоритъ:

— Честъ имѣю просить васъ, господинъ Вассерманъ, прискаты себѣ другую квартиру, такъ какъ я не нахожу возможнымъ жить въ одномъ домѣ съ человѣкомъ, хотя и принявшимъ русское подданство, но несомнѣнно нѣмецкаго происхожденія.

Произнеся эту сложную, высокопарную фразу, Гуцаловъ картинно расшаркивается и, не глядя на Льва Карловича, выходитъ изъ комнаты.

Всю ночь въ комнатахъ Льва Карловича горитъ лампа, а утромъ въ обычныи часъ онъ не выходитъ изъ нихъ.

Гуцаловъ открываетъ дверь и видитъ безжизненно застывшее у стѣны тѣло Льва Карловича.

Шея его перегнута полотенцемъ и лицо сине-багрово.

Изъ лампы ползетъ тонкая струйка копоти.

Копоть уже покрыла черной мелкой сѣткой трупъ Льва Карловича, стѣны и мебель.

На столѣ Гуцаловъ замѣчаетъ конвертъ.

На немъ написано острымъ, тонкимъ почеркомъ Льва Карловича:

„Причины, которыя объясняютъ мою смерть“.

Гуцаловъ вынимаетъ изъ конверта аккуратно сложенный листокъ.

И сразу же ему бросается въ глаза знакомая фраза:

„Я есть русский подданный“.

„Ну его къ Богу,—думаетъ Гуцаловъ,—еще въ полиціи выйдутъ неприятности съ этой запиской“.

И рветъ листокъ на мелкія части.

Юрій Зубовскій.

† А. Н. Скрябинъ. (Рис. Еюг. Зака. 1907 г.)

С-ІЙ К-ВЪ.

А. Н. СКРЯБИНЪ.

Отечественное искусство постигла новая тяжкая потеря: 14-го апрѣля, въ 8 ч. 5 м. утра, въ Москвѣ, на 44-мъ году жизни, скончался отъ зараженія крови Александръ Николаевичъ Скрябинъ. Еще не исполнилась годовщина кончины даровитаго русскаго композитора А. К. Лядова, бывшаго убѣжденнымъ почитателемъ многихъ твореній Скрябина, какъ неожиданная смерть постигла и этого замѣчательнѣйшаго композитора, великаго среди музыкантовъ не только Россіи, но и всей Европы и даже всего міра.

А. Н. Скрябинъ—явленіе столь значительное въ современной европейской—не только русской—музыкѣ, что напрасно было бы въ краткой журнальной замѣткѣ дѣлать попытки сколько нибудь полнаго выясненія его значенія. Да кромѣ того это выясненіе невозможно сейчасъ и по другой причинѣ: слишкомъ неожиданна эта новая „побѣда“ смерти, и трудно съ надлежащимъ спокойствіемъ думать, что А. Н. Скрябинъ уже нашелъ себѣ вѣчное упокоеніе среди могилъ московскаго Новодѣвичьяго монастыря.

Скрябинъ родился въ Москвѣ 25-го декабря 1871 года. Начальное образованіе онъ получилъ въ Москвѣ же, въ кадетскомъ корпусѣ, куда былъ отданъ родителями, не подозрѣвавшими, что ихъ сынъ является обладателемъ исключительнаго музыкальнаго дарованія, несмотря на то, что Скрябинъ началъ „сочинять“ съ восьмилѣтняго возраста. Учасъ въ корпусѣ, Скрябинъ постоянно думалъ о поступленіи въ консерваторію, и это свое желаніе ему удалось осуществить, но лишь по окончаніи курса ученія въ корпусѣ: въ 1889 году онъ былъ принятъ въ московскую консерваторію.

Еще будучи кадетомъ, онъ бралъ частныя уроки по теоріи композиціи у проф. С. И. Тавѣва; занятія у этого знаменитаго и ученѣйшаго теоретика онъ продолжалъ съ исключительнымъ успѣхомъ и во время своего пребыванія въ консерваторіи. Курсъ московской консерваторіи Скрябинъ окончилъ въ 1892 году съ золотой медалью.

Выдающееся и огромное дарованіе Скрябина сразу привлекло вниманіе серьезныхъ музыкальных круговъ обѣихъ столицъ.

Существенную поддержку въ началѣ его музыкальной дѣятельности оказалъ ему М. П. Бѣляевъ, которому вообще много обязана русская музыка. На русскихъ симфоническихъ концертахъ Бѣляева публика впервые познакомилась со многими сочиненіями Скрябина. Вскорѣ послѣ этого Скрябинъ сталъ извѣстенъ и „признанъ“ и въ Западной Европѣ. Онъ посѣтилъ крупнѣйшіе европейскіе города, какъ-то Парижъ, Берлинъ, Антверпенъ, Брюссель и другіе, давая тамъ свои концерты и всюду имѣя подлинный и серьезный успѣхъ.

Въ 1897 году Скрябинъ возвращается въ московскую консерваторію, но уже профессоромъ по классу фортепьяно (самъ онъ по классу фортепьяно былъ ученикомъ Сафонова).

Однако преподавательская дѣятельность сильно мѣшала его композиторской работѣ, и въ 1903 году онъ оставляетъ консерваторію и Россію, поселяется за границей, сперва въ Парижѣ, затѣмъ въ Швейцаріи и Итали, и всецѣло отдается музыкальному творчеству, лишь изрѣдка и ненадолго прѣзжая на родину.

Въ 1906—1907 гг. онъ посѣтилъ С. Америку, гдѣ имѣлъ ставшии уже для него обычнымъ успѣхъ.

Но настоящимъ триумфомъ Скрябина было его концертное турнѣ по приволжскимъ городамъ, устроенное С. Кусевицкимъ лѣтомъ 1910 года, когда Скрябинъ вернулся въ Россію.

Въ 1910 г. онъ постоянно жилъ въ Москвѣ, но выступалъ на концертахъ и въ Петербургѣ, и никогда успѣхъ не покидалъ его.

Всего Скрябинъ написалъ 75 законченныхъ произведеній, изъ нихъ шесть:—три симфоніи, „Поэма экстаза“, „Прометей“ и „Reverie“—для оркестра, одинъ концертъ—для фортепьяно съ оркестромъ и остальные—для фортепьяно. Эти 75 „opusовъ“ изданы. Остались неизданными „симфоническіе танцы“ и неоконченнымъ „Предварительное дѣйствіе“—прологъ къ задуманнымъ имъ „Мистеріямъ“. Для обстоятельной характеристики творчества Скрябина настанетъ время лишь послѣ того, какъ всесторонне будетъ изучена его музыкальная личность; пока этого нѣтъ, о значеніи Скрябина говорить очень трудно,—такъ оно велико и исключительно.

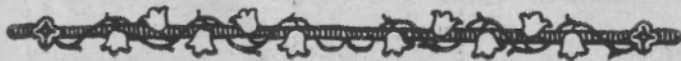
Субъективизмъ и полная искренность—вотъ характерная черта скрябинскаго творчества. Несомнѣнно его „родство“ съ Шопеномъ во многихъ, особенно первыхъ, произведеніяхъ. Можно отмѣтить порою и вліяніе Листа.

Иные находили въ симфоніяхъ Скрябина манерность и чуть ли не ложную аффектацію. Это невѣрно. Музыка Скрябина есть точное, выразительное и правдивое отраженіе его духовныхъ переживаній, весьма сложныхъ, порою бурныхъ и противорѣчивыхъ, но всегда глубокихъ и значительныхъ.

Самобытность, оригинальность и огромный талантъ ярко видны въ каждомъ тактѣ его сочиненій. Все творчество Скрябина—порывъ, вѣчное стремленіе къ новымъ и труднѣйшимъ „достиженіямъ“. Цѣнность оставленнаго имъ музыкальнаго наслѣдства сейчасъ не поддается опредѣленію.

Его „Поэма экстаза“ съ изумительнымъ по мощности и красотѣ финаломъ, „Прометей“, гдѣ его художественное творчество достигаетъ своей вершины, и особенно 3-я симфонія („Божественная поэма“)—безспорно являются драгоценными вкладками въ сокровищницу европейской музыки и оправдываютъ высказанное нами въ началѣ статьи утвержденіе, что, хороня Скрябина, Москва, а съ нею и Россія, хоронила 16-го апрѣля не только великаго русскаго, но и всемірно-великаго композитора.

С-ІЙ К-ВЪ.

The page contains several sketches and blocks of handwritten text. On the left side, there are seven sketches of human faces and profiles, arranged vertically. At the bottom left, there is a sketch of a full figure, possibly a woman in a dress. The handwritten text is written in a cursive script, likely a historical form of Russian or a related language. The text is arranged in several columns, with some lines appearing to be corrections or additions, as indicated by the presence of horizontal lines through the words.

Страницка пушкинской рукописи. (См. стр. 20.)

АЛЕКСАНДРЪ ТИНЯКОВЪ. ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Не имѣя возможности помѣтить на страницахъ „Голоса Жизни“ мое подробное возраженіе на статью г-жи М. Шагинянь—„Европа и мы“, я считаю необходимымъ высказать нѣсколько отдѣльныхъ замѣчаній по поводу написаннаго ею.

Нападая на частности моей статьи, помѣщенной въ № 8-мъ „Г. Ж.“, г-жа Шагинянь оспариваетъ главнымъ образомъ такія утверженія, какихъ я не дѣлалъ. Она заявляетъ на-примѣръ, что „во-первыхъ, египтяне—не ариицы“, такъ что можно подумать, будто я назвалъ ихъ арийцами. Между тѣмъ у меня написано: „Мудрецы арийскаго и хамитическаго Востока (Египетъ)“... Г-жѣ Шагинянь очевидно непонятно, что сближеніе не есть отождествленіе. Изъ дальнѣйшихъ ея словъ ясно, что не поняла она также и тѣхъ основаній, по которымъ я рѣшился сближить арийскій и хамитическій міры, ибо она говоритъ: „Во-вторыхъ, египетская мудрость влилась въ европейскую культуру, оплодотворивъ греческую, по линіи развитія европеизма съ востока на западъ“... Такимъ образомъ для г-жи Шагинянь вопросъ этотъ рѣшенъ окончательно. Въ отвѣтъ на это можно сказать, что, во-первыхъ, въ наукѣ установлено, что чисто-арийская эгейская культура по древности равна египетской, причѣмъ общій характеръ ея совершенно самобытенъ, и слѣдовательно изъ соприкосновенія ея съ культурой египетской происходило вліяніе взаимное; а, во-вторыхъ, въ послѣднее время въ наукѣ существуетъ цѣлая группа весьма почтенныхъ изслѣдователей, которые утверждаютъ, что египетская культура выросла именно подъ вліяніемъ культуры сѣверной, арийской. Наиболее крайніе представители этихъ взглядовъ уже спрашиваютъ: „Не въ мозгу ли бѣлокурыхъ и голубоглазыхъ жрецовъ возникла идея о постройкѣ пирамидъ?“ (D-r Osling.) Эти мнѣнія собраны изъ ожесточеннымъ противникомъ д-ромъ Цольманъ въ книгѣ „Расовая проблема“ (русс. пер. М. 1914, стр. 43 и сл.). Ввиду того, что послѣдній вопросъ не рѣшенъ въ наукѣ окончательно, я избѣгаю дѣлать изъ него какіе либо опредѣленные выводы, но я уже не могу стать и на школьную точку зрѣнія, на которой стоитъ г-жа Шагинянь, говоря о взаимоотношеніяхъ расовыхъ культуръ.

Пронизируя надъ произвольностью моихъ „этнографическихъ построеній“, г-жа Шагинянь повинна въ произвольности гораздо болѣе, нежели я, хотя бы потому, что безъ оговорокъ называетъ Арменію арийской страной, въ то время какъ этнографіею и исторіею культуры уже давно отмѣчена величайшая смѣшанность армянской народности и до сихъ

поръ окончательно не рѣшено, какія расовыя черты преобладаютъ въ ней. Деникеръ на-примѣръ говоритъ, что у армянъ „преобладающія соматическія черты обусловлены смѣшеніемъ индо-афганской расы съ ассиридской и, быть можетъ, также турецкой и адриатической“ („Человѣческія расы“, русск. пер., стр. 505—506).

Совершенно непонятно также, зачѣмъ г-жа Шагинянь указываетъ мнѣ, что „родство чистой индусской философіи великимъ метафизическимъ системамъ запада“ открыли Дейссенъ и Чемберленъ. Важно не то, что его открыли, и не то, когда его открыли, важно лишь то, что такое родство есть, а слѣдовательно оно существовало до Дейссена и Чемберлена и создано не ихъ открытіями.

Еще г-жа Шагинянь говоритъ, будто я утверждаю, что „востокъ намъ ближе арийскаго запада“, хотя я говорю, что „мы ближе къ востоку, чѣмъ Европа“,—а это совсѣмъ не одно и то же. Западъ намъ, быть можетъ, не менѣе близокъ, чѣмъ Индія, но Европѣ Индія менѣе близка, чѣмъ намъ. Пусть г-жа Шагинянь обратится къ произведеніямъ наиболее значительныхъ умовъ Запада и къ произведеніямъ нашихъ мудрецовъ и поэтовъ и сравнитъ ихъ съ твореніями индусской мудрости; она увидитъ тогда, кто и почему ближе къ Индіи.. Укажу для примѣра на поэзію Тютчева, въ которой всѣ новѣйшіе изслѣдователи находятъ тѣсное соприкосновеніе съ ученіями индусской мудрости. А вѣдь Тютчевъ жилъ задолго до Чемберлена и вѣроятно не читалъ „Бхагавадъ-Гиту“! Между тѣмъ онъ настолько былъ проникнутъ индусскимъ міровоззрѣніемъ, что даже Ив. Аксаковъ не рѣшился назвать его человѣкомъ „христианскихъ вѣрованій“, хотя и не подозрѣвалъ вѣроятно, что вѣрованія Тютчева приближались къ брахманизму. И Тютчевъ столь же характеренъ для Россіи, сколь Байронъ для Западной Европы; Шелли, несмотря на свой пантеизмъ, ближе къ Байрону, чѣмъ къ Тютчеву, точно такъ же, какъ Руссо по духу ближе къ своему „врагу“ Вольтеру, чѣмъ къ своему „ученику“ Толстому, ибо у пантеиста Шелли и у моралиста Руссо было совсѣмъ иное отношеніе къ активности, чѣмъ у пантеиста Тютчева и у моралиста Толстого. Шелли былъ заодно съ революціонерами, Тютчевъ проклиналъ декабристовъ; Руссо—какъ бы то ни было—повліялъ на ходъ французской революціи, а Л. Толстой самымъ рѣшительнымъ образомъ и всю свою жизнь отгораживался отъ революціонныхъ дѣятелей, отъ движенія 60-хъ годовъ, такъ же какъ и отъ движенія 1905 года.

Александръ Тиняковъ.

ВѢСТИ И МНѢНІЯ.

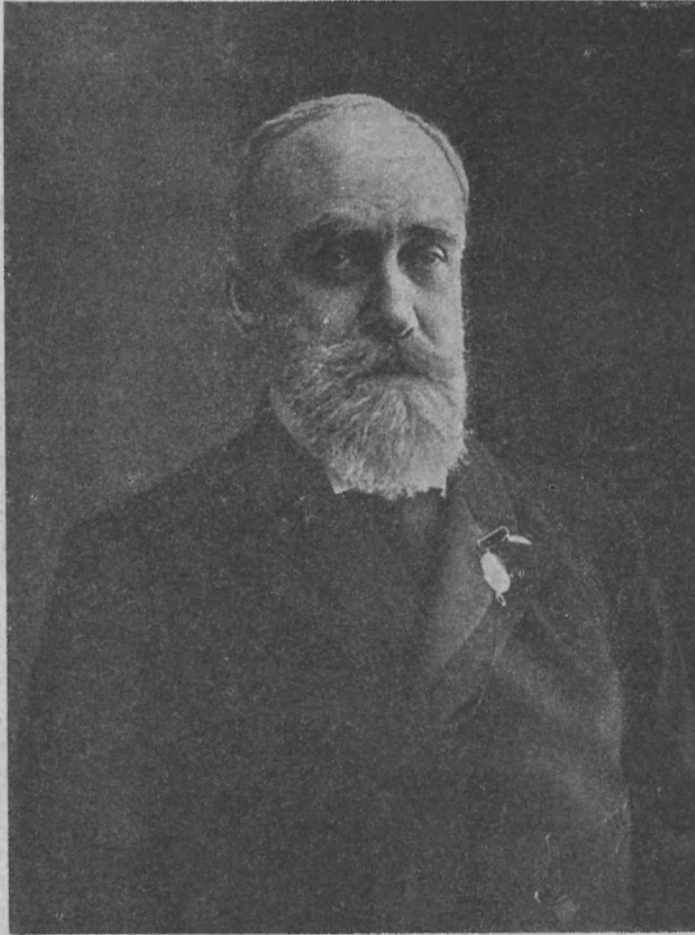
Письма со стороны.

II.

Меня увѣрили, что господинъ Арцыбашевъ изучилъ внезапно французскій языкъ, что у него на столѣ валяется томикъ Теофиля Готье, что онъ даже успѣлъ прочесть Анри де Ренье и еще какихъ-то изысканныхъ французовъ; натурально у него появились новые „вкусы“ — не вкусъ конечно (это ужъ отъ Бога, его не выдумаешь), а именно „новые вкусы“. Увѣрили меня также, что онъ вообще рѣшилъ свое нижегородское смѣшать съ французскимъ, то есть сдѣлать поприличіе свое естественное неприличіе; въ доказательство точности и безспорной вѣрности этихъ слуховъ приводили тотъ фактъ, что г. Арцыбашевъ написалъ романъ почти безъ обывательской порнографии и, не измѣняя своей сущности конечно, ввелъ въ него однако нѣкоторый „оттѣнокъ благородства“. Все это меня, признаюсь, заинтересовало. „Какъ же называется этотъ романъ?“ — спросилъ я у моего собесѣдника. „Какъ! вы не знаете? — мой знакомый покачалъ головою: — „Ольга Оргъ“ называется“. — „Но позвольте! Какъ же такъ? — возразилъ я недоумѣвая, — мнѣ помнится, что „Ольгу Оргъ“ написалъ какой-то новый беллетристъ, кажется, Юрій Слезкинъ“. Собесѣдникъ иронически улыбнулся: „Въ томъ-то и дѣло, что Юрій Слезкинъ — псевдонимъ, а романъ писалъ все тотъ же Арцыбашевъ, только у него теперь одинъ изъ героевъ сидитъ среди старинныхъ табакерокъ, ящичковъ, часовъ, а вокругъ него одновременно расцвѣтаютъ ландыши, орхидеи и азалии; онъ пьетъ маленькими глотками мадеру и заѣдаетъ бисквитомъ; приэтомъ онъ успѣваетъ цитировать что-то изъ *Etainx et Camées*. А все прочее по-арцыбашевски“.

Теперь я убѣжденъ, что собесѣдникъ мой рѣшительно меня мистифицировалъ. Все это онъ выдумалъ. Арцыбашевъ, оказывается, самъ по себѣ, а беллетристъ Слезкинъ — совсѣмъ особое существо, вовсе не псевдонимъ и не фантомъ, а то, что называется „начинающій писатель“. Впрочемъ теперь начинаютъ такъ, какъ прежде многіе кончали, то есть съ большой самоувѣренностью и съ малымъ запасомъ „скрытыхъ силъ“.

Но какая однако злая выдумка! Отождествить Арцыба-

Григоріи Градовскіи † 13 апр. 1915 г.

шева со Слезкинымъ! Почему? Господинъ Арцыбашевъ — сама провинція, можно сказать, и какая провинція! Распоясавшаяся — такая провинція, которой на все наплевать, которая вдругъ соскучилась сидѣть на учебникахъ, рекомендованныхъ „Программами для домашняго чтенія“, и рѣшила до всего дойти „своимъ умомъ“. Отсюда великолѣпное въ своемъ простодушіи разрѣшеніе полового вопроса, самоубийственный пессимизмъ „безъ достаточныхъ основаній“ и все прочее арцыбашевски-нижегородское.

А молодой беллетристъ Слезкинъ совсѣмъ не то. Правда, его героиня тоже, какъ у Арцыбашева, будучи гимназисткою, отдается какому-то мерзавцу въ темномъ корридорѣ „съ коптящей лампой подъ потолкомъ, грубо запрокинутая на старый сундукъ, со взбитыми свѣтлыми волосами, метущими пыль грязнаго пола“, — но этотъ весь натурализмъ не исчерпываетъ сущности новаго романа. Арцыбашевъ философствуетъ, какъ его герои. А беллетристъ Слезкинъ выше этого. Слезкинъ — столичный житель. У него другія манеры. Онъ на эти грубости смотреть со стороны, а не изнутри, какъ авторъ „Санина“. Нѣтъ, рѣшительно обидное отождествленіе Слезкина съ Арцыбашевымъ несправедливо и необоснованно. У беллетриста Слезкина есть несомнѣнное дарованіе. Онъ занимательно сочинилъ свой романъ. И мнѣ во что бы то ни стало хочется его защитить отъ этихъ нехорошихъ насмѣшекъ, — но какъ защитить? Вотъ вопросъ. Вѣдь есть навѣрное въ душѣ у этого молодого беллетриста что нибудь настоящее, самостоятельное, свободное и значительное, что онъ могъ бы противопоставить дикому звѣрству какихъ-то негодяевъ и жалкому самоубійству несчастной провинціалочки. Вѣдь есть же что

нибудь за душою у Юрія Слезкина, кромѣ знанія столичныхъ манеръ и необходимаго „оттѣнка благородства“. Вѣрю, что есть. Зачѣмъ же онъ это настоящее и значительное утаилъ? Вѣдь нельзя въ самомъ дѣлѣ подлинное благородство замѣнять его оттѣнкомъ — и такъ всегда и неизмѣнно.

Почти одновременно съ романомъ Слезкина появился новый романъ Кузмина, „Плавающіе-путешествующіе“. У Кузмина конечно есть вкусъ, а не „вкусы“, и сколько бы ни старался Слезкинъ быть дэнди, ему до кузминскаго дэндизма не достать. Въ Кузминѣ въ самомъ дѣлѣ есть „александріецъ и французъ временъ классическихъ“, а то, что олъ — поэтъ подлинный, объ этомъ и напоминать не при-

ходится. Но, читая этот новый роман милого поэта, испытываешь какое-то недоумѣние и невольную досаду: кажется, что маска приросла къ лицу человѣческому. Маскарадъ—вещь не худая, разумѣется. Но если масленица длится не семь дней, а круглый годъ, тогда захочешь и поста, и молчанія, и даже православнѣйшаго аскетизма: только бы не это непрерывное маскарадное *causerie*, отъ котораго начинается какая-то „морская болѣзнь“. Правда, у Кузмина есть въ романѣ туманные намеки на духовное обновленіе одного изъ героевъ, но эти намеки производятъ впечатлѣніе отчасти комическое, отчасти безнадежное. Въ лѣсу на полянѣ встрѣчаются кузминскіе герои. Они прѣзжаютъ на лошадяхъ, спѣшиваются. Младшій, ставъ на колына, цѣлуетъ руку у старшаго и восклицаетъ: „Боже мой! Боже

мой! Неужели это будетъ завтра!“,—на что старши отвѣчаетъ: „Да, такъ мнѣ написали изъ Праги“. Тогда младшій поднимаетъ къ небу руки въ какомъ-то радостномъ изступленіи и опять громко говоритъ: „Какъ могутъ жить люди, не знавшіе такихъ минутъ!“. Затѣмъ они опять цѣлуются и направляются къ своимъ лошадямъ.

Эта сцена не имѣетъ никакого отношенія къ роману. При чемъ тутъ Прага—неизвѣстно. Еще менѣе извѣстно, какое отношеніе ко всему этому имѣетъ самъ авторъ. По-видимому онъ, бѣдный, такъ завертѣлся среди масокъ своего романа, что потерялъ свое лицо, забылъ себя. Но хочется вѣрить, что это случилось съ нимъ на недолгую срокъ.

Борисъ Лернеръ.

ВЫСТАВКА ВОЕННАЯ И МИРНАЯ.

Въ „салонѣ“ Добычиной сразу открылись двѣ выставки. Первая—произведеній Добужинскаго и Лансера, на „военныя темы“, вторая—„лѣвыхъ теченій“, на темы мирныя. Первая—нѣсколько холодная, официальная, застегнута на все пуговицы; вторая—полегкомысленнѣе.

О военной выставкѣ читатели „Голоса Жизни“ могутъ судить по воспроизведеніямъ съ работъ Лансера и Добужинскаго. Въ ближайшихъ номерахъ мы дадимъ снимки съ лучшихъ изъ вещей. О второй же скажемъ нѣсколько словъ. Прежде всего оказывается, что среди „лѣвыхъ“ процентъ бездарныхъ художниковъ столь же высокъ, сколько и среди правыхъ. Только положеніе лѣвыхъ выгоднѣе. На „академической“ или на „передвижной“ бездарные художники продаютъ свои вещи „о натурель“, безъ необыкновенныхъ одеждъ. У г-жи Добычиной такія ничтожныя „художники“, какъ Якуловъ, Василии Каменскій, Кульбинъ, густо прикрыли свое „отсутствіе всякаго присутствія“ довольно-таки „мѣщанскими“ драпировками изъ „Бродячей собаки“.

Благодаря обилію хлама, посѣтителю трудно добраться до вещей талантливыхъ, къ которымъ несомнѣнно надо причислить, напримѣръ работы Валентины Ходасевичъ. Два ея портрета заслуживаютъ вниманія, особенно „Персъ“, не то „нищи со свѣгиремъ“, не то чистильщикъ сапогъ. Портретъ сдѣланъ. Видна талантливая, сознательная работа. Интересны вещи Школьника (особенно турецкое кафѣ), Лентузова. „Специалисты“ превозносятъ работы Розановой. Но, на мой взглядъ „обывателя“, она еще не проявила себя. Все мудрить и кобениться.

Въ день открытія выставокъ случился курьезъ. Съѣхалась академическая коммиссія для покупки картинъ. Почтенные старцы, со слѣзу, перепутали двери и, вмѣсто того чтобы идти на „военную“ выставку, попали въ объятія Кульбина в Бурлюковъ.

Здѣшнее было довольно любопытное.

Обыватель.

Изъ неизданныхъ рисунковъ Пушкина.

(Портретъ Грибоѣдова и автопортретъ.)

Впервые воспроизводимая (стр. 17), съ нѣкоторымъ уменьшеніемъ размѣра, страница рукописи Пушкина (Румянцевскій музей, тетрадь № 2369, л. 34 об.) сохранила на поляхъ черновики стиховъ, относящихся къ XXI строфѣ 2-ой главы „Евгенія Онѣгина“, нѣсколько рисунковъ поэта, въ томъ числѣ портретъ Грибоѣдова—вверху—и шуточной автопортретъ—внизу.

Оба рисунка уже обратили на себя вниманіе изслѣдователей. О портретѣ Грибоѣдова упоминаютъ Д. Н. Анучинъ („А. С. Пушкинъ. Антропологическій эскизъ—„Русск. Вѣдом.“. 1899 г. и отд. М., 1899, стр. 40) и Г. П. Георгиевскій („Русск. Вѣстникъ“ 1899 г., июль, 398); объ автопортретѣ—Д. Н. Анучинъ (тамъ же).

Профиль Грибоѣдова, самый ранній по-видимому изъ всѣхъ извѣстныхъ портретовъ автора „Горя отъ ума“, набросанъ, судя по положенію его въ рукописи, въ Одессѣ, въ 1823 или 1824 гг. Пушкинъ, обладавшій прекрасной памятью на лица и умѣвшій въ своихъ рисункахъ улавливать сходство, нарисовалъ Грибоѣдова по памяти. „Я познакомился съ Грибоѣдовымъ въ 1817 году,—разсказывалъ онъ („Путешествіе въ Арзрумъ“).—Его меланхолическій характеръ, его озлобленный умъ, его добродушіе, самая слабость и пороки, неизбѣжныя спутники человѣчества, все въ немъ было необыкновенно привлекательно“. Вблизи они не сошлись. „Меланхолическій характеръ“ и „озлобленный умъ“ Грибоѣдова этому должны были помѣшать, но не помѣшали Пушкину почувствовать къ Грибоѣдову глубокую симпатію: поэты разстались въ 1818 г. и встрѣтились, и то ненадолго, лишь черезъ десять лѣтъ.

Автопортретъ самъ по себѣ довольно типиченъ для набросковъ Пушкина, среди которыхъ профили поэта, иногда забавно шаржированные, встрѣчаются часто, но выдѣляется страннымъ костюмомъ: какая-то лакейская ливрея съ пелериной и текъ съ перомъ курьезно „украшаютъ“ Пушкина.

Н. Лернеръ.

112 книгъ роман. и **425** выпуск. ТОЛЬ-ЖУРНАЛА и прилож. **НО** за **11** р. получаютъ всѣ тѣ лица, которыя подпишутся на 1915 годъ на слѣдующе еженедѣльные иллюстрированныя журналы:

„РОДИНА“

дающаи въ течение года:

52 №№ илл. лит. ЖУРНАЛА, 52 №№ илл. „ВСЕМИРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“, 52 №№ „РАЗВЛЕЧЕНІЕ“, 52 №№ „НЕДѢЛЯ ВОЙНЫ“, 52 „ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЯ“ въ краскахъ и одноцвѣтныхъ, 49 ОБЩЕПОЛЕЗН. ПРИЛОЖЕНІИ (по 12 №№: „МОДЫ“, „ДРУГЪ ДѢТЕЙ“, „ВЫКРОЙКИ“, „УЗО-РЫ ВЫПИЛИВ. и ВЫЖИГ.“ и ТАБЕЛЬ-КАЛЕНДАРЬ 1915 г.) и

ВОСЕМЬДЕСЯТЬ КНИГЪ

12 кн. илл. СОБРАНІЯ РУССКИХЪ РОМАНОВЪ (пре-имуш. на темы ВОЙНЫ), 26 кн. собр. соч. В. А. ТИХО-НОВА, 18 кн. ИСТОРИЧ. роман. Н. СЕВЕРИНА и 24 кн журн. „СБОРНИКЪ ЛИТЕРАТУРЫ“ (ВСЕГО въ кни-гахъ до 8000 стран.). СВЕРХЪ ТОГО ДВѢ КАРТИНЫ ПРЕМИИ: 1) „Шалости Амура“ и 2) „Подъ солнцемъ юга“

„ВСЕМИРНАЯ НОВЬ“

дающаи въ течение года:

52 №№ илл. литер. журн. „ВСЕМИРНАЯ НОВЬ“ (журналъ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ), 52 №№ отдѣла „СМѢХЪ и СА-ТИРА“, 12 №№ „ХОЗЯЙКА ДОМА“, кромѣ того ОТРЫВНОЙ КАЛЕНДАРЬ-ЕЖЕДНЕВНИКЪ 1916 года и КАРТИНУ-ПРЕМИЮ: „СВИДАНІЕ“, а также

ТРИДЦАТЬ ДВѢ КНИГИ

20 кн. собр. сочин. (роман. и пов.) А. Д. АПРАКСИНА и 12 книгъ романовъ „ДРАМЫ ЖИЗНИ“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ВСЕ ВЫШЕУКАЗАННОЕ

ЗА ГОДЪ БЕЗЪ ДОСТАВКИ **11** р. | съ пере-сылкой по Россіи **13** р. | РАЗСРОЧКА **8** р. | первый взносъ

ПРИНИМАЕТСЯ ОТДѢЛЬНАЯ ПОДПИСКА

на каждый журналъ по цѣнамъ за ГОДЪ:

„РОДИНА“ безъ до-стачки **7** р. | съ пере-сылкой по Россіи **8** р. | РАЗСРОЧКА при под-пискѣ **5** р.
 „ВСЕМИРНАЯ НОВЬ“ безъ до-стачки **4** р. | съ пере-сылкой **5** р.

ПЕРВЫЙ ВЗНОСЪ при подпискѣ **3** р.

Подробная программа высылается БЕЗПЛАТНО.

Подписка адресуется: Акционерному Обществу

ИЗДАТЕЛЬСТВА А. А. КАСПАРИ, ПЕТРОГРАДЪ, Лиговская, 114, и Садовая, 20 (третій домъ отъ Невскаго) Въ МОСКВѢ въ конторѣ Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ, Петровскія линіи.

Необходимое всѣмъ изданіе:

НАПОЛЕОНЪ ВЪ РОССИИ

въ 1812 г.

Отечественная война—эта доблестная борьба русскаго народа съ Напо-леономъ—покрыла Россію неуныдающей славой, и память о ней должна яркимъ свѣточемъ жить въ душѣ каждого русскаго человѣка. Наше новое изданіе „НАПОЛЕОНЪ ВЪ РОССИИ“ въ живой формѣ изобра-жаетъ эпопею Отечественной войны 1812 г., съ момента ея возникновенія до заключенія Парижскаго мира въ 1815 г., причемъ наряду съ описа-ніемъ хода военныхъ событій оно даетъ изображеніе жизни народа въ ту знаменательную эпоху, содержитъ въ себѣ массу живыхъ бытовыхъ сценъ, яркихъ эпизодовъ и характеристикъ какъ отдѣльныхъ дѣятелей, такъ и особенно выдающихся моментовъ, и снабжено болѣе чѣмъ двумястами иллюстраціи съ очень рѣдкихъ картинъ, рисунковъ и портретовъ.

Цѣна въ переплетѣ ДВА (2) руб. съ пересылкой.

Требованія адресуется Акционерному Обществу Издат. А. А. КАСПАРИ, Петроградъ, Лиговская ул., д. № 114, и Садовая ул., д. № 20.

ГАРАНТИРОВАННЫЙ ЗАРАБОТОКЪ

50 и болѣе рублей въ мѣсяцъ.

Требуются мужчины, женщины и дѣти для работы на нашей автоматической бы-стровязальной машинѣ

„ВИКТОРИЯ“.

Мы даемъ работу и платимъ за изготовленіе дюжины паръ чулокъ или носковъ 1 р. 50 к. Простая и легкая работа у себя на дому круглый годъ. Предварительныя знанія не требуются. Разстояніе не имѣетъ значенія.

Требуйте нашъ бесплатный проспектъ.

Товарищество вязальныхъ машинъ

ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ-КЮНАУ и К^о, Петроградъ, Невскіи пр., д. Армянской церкви,—37.

Роскошно иллюстрированныя изданія.

А. В. Кольцовъ. ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІИ. Съ иллюстраціями акад. М. О. Микѣшина и художн. В. В. Полякова. Цѣна въ папкѣ 1 р., въ коленкоровомъ переплетѣ—1 р. 50 к. съ перес.

Библейскіе мотивы. Ветхій и Новый Заветъ. Это роскошное изданіе заключаетъ въ себѣ 232 большихъ, на библейскія темы, рисунковъ художника Густава Дора и 343 стихотворенія извѣстѣйшихъ русскихъ поэтовъ, въ которыхъ описаны событія Ветхаго и Новаго Завета. Въ роскошномъ переплетѣ—4 руб. съ пересылкой.

Книга пѣсенъ Гейне. Собраніе стихотворен. знаменитаго поэта Генриха Гейне въ перев. русск. поэтовъ подъ редакціей П. В. Быкова, съ иллюстрац. П. Тумана. Цѣна въ красивомъ переплетѣ 1 р. 50 к. съ перес.—Генрихъ Гейне—безспорно одинъ изъ самыхъ даровитыхъ поэтовъ міра. Всѣ его произведенія проникнуты чарующей прелестью поэзіи, ея дивными красотами, причемъ мно-гія изъ нихъ полны мѣткой ироніи и сарказма.

Натанъ-Мудрецъ. Драматическ. поэма Готтлиба Эфраима Лессинга въ полн. стихотворномъ перев. В. С. Лихачова, съ 36-ю великолѣпными иллюстрац. Цѣна въ красивомъ перепл. 1 р. 50 к. съ перес.—Эта дивная поэма производитъ удивительное впечатлѣніе той гуманностью, которой она проникнута, и изящнымъ тономъ.

Шиллеръ и его драматическія произвед.

Интересное и полезное для всѣхъ изданіе, знакомящее съ содержа-ніемъ главнѣйшихъ драмъ гениа мировой поэзіи Ф. Шиллера и украсен. 39 рисунками. Въ роскош. переплетѣ—1 р. 50 к. съ пересылкой.

Флаутъ. Трагедія гениальнаго поэта Иоганна Вольфганга Гете въ стихотворн. переводѣ Э. Губера съ 85-ю иллюстраціями Ф. Зимма и друг. Цѣна въ красн. переплетѣ 1 р. 50 к. съ перес.—Эта трагедія является перломъ мировой поэзіи по глубинѣ мысли и формѣ и знаетъ ее необходимо каждому.

Русскіе баснописцы. СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІИ. Съ 26-ю боль-шими рисунками и 10-ю портретами-виньетками и биографіями Эзопа, В. Тредіановскаго, А. Сумарокова, В. Майкова, Д. Фонвизина, А. Измай-лова, И. Хемницера, И. Дмитріева, В. Пушкина и И. Крылова. С.-Петербур. Цѣна въ переплетѣ только—1 р. 50 к. съ перес.

Русскія былины. Новгородскія и новѣйшія періоды. Стихо-творное изложеніе былинъ съ иллю-страціями профес. В. П. Верещагина, академика М. О. Микѣшина, художниковъ В. Полянова и А. Сиротелло. Цѣна въ красивомъ переплетѣ—1 руб. 25 к. съ пересылкой.

Рейнеке-Лисъ. Сатирическая поэма Иог. Вольфганга ГЕТЕ въ стихотворн. переводѣ съ 37-ю рисунк. В. Каульбаха, Лейтеманна, Вольфа и друг. съ биографіей Гете и проч. Цѣна въ красн. переплетѣ 1 р. 50 к. съ перес.—Эта поэма, описывающая проделки Рейнеке-Лиса, или, какъ говорятъ на Руси, Лисы-Патрикѣевны, носитъ аллегорическій ха-рактеръ и полна здороваго юмора. Подъ видомъ животныхъ выве-дены люди съ ихъ слабостями, страстями и проч. свойствами.

Пѣсни БЕРАНЖЕ въ переводахъ русск. поэтовъ, подъ редакц. П. В. Быкова, съ 85-ю изящ-ными иллюстраціями. Цѣна въ краси-вомъ переплетѣ 1 р. 50 к. съ перес.—„ПѢСНИ“ БЕРАНЖЕ, этого незабвеннаго народнаго пѣвца, отличающагося живостью и остро-уміемъ, пользуются широкой извѣстностью во всемъ мірѣ.

Освобожденный Іерусалимъ. Іерусалимъ поэма Торквато Тассо, отличающаяся кра-сотой, описывающая первый крестовый походъ въ Святую Землю и изданная въ новомъ стихотворномъ переводѣ В. С. Лихачова (около 1200 стиховъ), съ иллюстраціями художн. Матанія и портр. Тассо. Въ роскошномъ переплетѣ—1 р. 75 к. съ пересылкой.

Требованія адресуется Акционерному Обществу Издат. А. А. КАСПАРИ, Петроградъ, Лиговская ул., д. № 114, и Садовая ул., д. № 20.

Необходимо при уплате ПЕРВАГО ПОДПИСНОГО ВЗНОСА точно указать, желательнее ли получить журнал „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ съ 82-мя книгами полного собрания сочинений Л. Н. ТОЛСТОГО, или БѢЗЪ этихъ книгъ, а журналъ „ВСЕМІРНАЯ НОВЬ“ съ 82-мя или 50-ю книгами сочинений Л. Н. ТОЛСТОГО.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ (БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКИХЪ и ФИЛОСОФСКИХЪ)

Л. Н. ТОЛСТОГО

подъ общей редакціею Д. В. ФИЛОСОВОВА, въ 82-хъ КНИГАХЪ (до 9.000 стран. текста въ $\frac{1}{8}$ долю листа), напечатанныхъ на высокоглазированной бумагѣ, четкимъ шрифтомъ. Къ изданію будутъ приложены портреты автора, воспроизведенные на мѣловой бумагѣ, и его биографія. Обложка художника Д. И. Митрохина.

Въ изданіе войдутъ ВСѢ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Л. Н. ТОЛСТОГО, а именно:

РОМАНЫ и НОВѢСТИ:—„Война и Миръ“, „Анна Каренина“, „Крейцерова соната“, „Воскресеніе“, „Дѣтство, отрочество и юность“, „Козаки“, „Утро помѣщика“, „Семейное счастье“, „Декабристы“, „Записка маркера“, „Два гусара“, „Поликушка“—**РАЗСКАЗЫ:**—„Набѣгъ“, „Севастополь“, „Рубка лѣса“, „Встрѣча въ отрядѣ“, „Метель“, „Альбертъ“, „Люцернъ“, „Три смерчи“, „Холостой вѣдь“, „Тихонъ и Маланья“, „Идиллія“, „Смерть Ивана Ильича“, „Хозяинъ и работникъ“, „Корней Васильевъ“, „За что?“, „Ягоды“, „Пѣсни на деревьяхъ“.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ:—„Власть тьмы“, „Плоды просвѣщенія“, „Живой трупъ“, „И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ“, „Отъ ней всѣ качества“.

ПОСМЕРТНЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ:—„Халджи Муратъ“, „Отецъ Сергій“, „Дьяволъ“, „Послѣ бала“, „Фальшивый купонъ“, „Алеша Горшокъ“, „Зеленая ялочка“, „Записки сумасшедшаго“, „Два спутника“, „Кто правъ?“, „Отецъ Василій“, „Кто убійца?“, „Иеромонахъ Исидоръ“, „Ходынка“ и проч.—**ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ для НАРОДА:**—„Тѣмъ люди живы“, „Первый винокуръ“, „Ходите въ свѣтъ“, „Кащися грѣшникъ“ и проч. 32 произведенія.

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКІЯ СОЧИНЕНІЯ:—„Исповѣдь“, „Въ чемъ моя вѣра?“, „Христіанское ученіе“, „Ученіе Христа, изложенное для дѣтей“, „Что такое религія“, „Какъ читать Евангеліе и въ чемъ его сущность“ и проч. статьи 80-хъ и 90-хъ гг.—**ИРУЪ ЧТЕНІЯ.**—**СТАТЬИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКІЯ**, а также объ искусствѣ, литературѣ, критическія.—**ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ** и пр. и пр.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ Л. Н. ТОЛСТОГО БУДЕТЪ ДАНО въ 1915 году

въ видѣ БЕЗПЛАТНАГО ПРИЛОЖЕНІЯ къ слѣдующимъ ЖУРНАЛАМЪ:

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“

Годъ изд. II.

„Голосъ Жизни“—первый русскій иллюстрированный еженедѣльникъ, поставивши себѣ цѣлью соединить художественность съ занимательностью, серьезность съ общедоступностью.

Въ каждомъ номерѣ „Голоса Жизни“ помѣщаются рассказы, стихи, статьи талантливыхъ представителей всѣхъ литературныхъ теченій и не менѣе двадцати иллюстрацій.

Въ литературѣ „Голоса Жизни“ стремится къ широкой объективности, а въ публицистикѣ—къ объединенію демократическихъ и прогрессивныхъ элементовъ русскаго общества. Углубленное толкованіе современныхъ событій, подготовленіе русскаго общества къ предстоящей творческой работѣ—такое основное стремленіе „Голоса Жизни“.

„Голосъ Жизни“—богато иллюстрированъ и даетъ тонко-художественный матеріалъ, равно какъ и фотографическія снимки съ театра военныхъ дѣйствій.

Съ новаго года „Голосъ Жизни“ выходитъ при ближайшемъ участіи Д. В. Философова.

Въ „Голосѣ Жизни“ помѣщаются стихотворенія и рассказы: С. Андреевскаго, С. Ауслендера, В. Бестужева, А. Блока, В. Брусилова, Б. Верхоустинаго, З. Гиппиуса, С. Городецкаго, Л. Довгунцова, Бориса Зайцева, Георгія Иванова, В. Карачарова, Д. Крачковскаго, Д. Крючкова, А. Ремизова, В. Ропшина, Ю. Слезнина, Н. Солдатовой, Ф. Сологуба, А. Чапыгина, Ив. Шмелева, К. Эрберга и др.

Въ „Голосѣ Жизни“ помѣщаются статьи: Б. Веселовскаго, Владимира Гиппиуса, В. Ирецкаго, В. Каратыгина, проф. А. Карташева, Н. Коробки, проф. М. Курчинскаго, Антона Крайняго, Д. Левина, Н. Лернера, А. Мейера, Д. Мережковскаго, М. Новорусскаго, Е. Семенова, М. Славинскаго, проф. К. Соколова, Ю. Слонимской, проф. М. Туганъ-Барановскаго и др.

Въ „Голосѣ Жизни“ принимаютъ участіе художники: Александръ Бенуа, И. Билибинъ, Ф. Бруни, М. Добужинскій, Г. Лукомскій, Д. Митрохинъ, М. Нецитайло-Андріенко, Н. Рерихъ, Н. Смирновъ, А. Соборовъ, С. Чехонинъ, В. Яннауеръ и др.

Подписчики „ГОЛОСА ЖИЗНИ“ получаютъ:

52 №№ художеств.-литературн. журнала и

82 КНИГИ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ Л. Н. ТОЛСТОГО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за ГОДЪ съ пересылкой 3 р. 50 к.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 3 р. 50 к., къ 1-го марта—2 р., къ 1-го июня—2 р., къ 1-го августа—1 р.

Принимается подписка на журналъ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ безъ книгъ Л. Н. Толстого.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за годъ—4 р. 50 к., за полгода—2 р. 50 к., за 3 мѣс.—1 р. 35 к.

Пробные номера—20 коп. съ пересыл. При подпискѣ указывать избранный журналъ и число книгъ и адресовать Акц. Общ. ИЗДАТЕЛЬСТВА А. А. КАСПАРИ, ПЕТРОГРАДЪ: 1) Лиговская, д. 114, и Садовая, д. 20.

„ВСЕМІРНАЯ НОВЬ“

(10-й г. изд.)

„ВСЕМІРНАЯ НОВЬ“—еженедѣльный иллюстрированный журналъ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ, дающій въ теченіе года

52 №№ ЛИТЕРАТУРН. ЖУРНАЛА съ массой рисунковъ, иллюстрирующихъ ТЕКУЩІЯ ВОЕННЫЯ и проч. событія мировой жизни, съ интересными рассказами—новинками русской и иностранной литературы и проч. ПРИ НЕМЪ ВЫЙДУТЪ

66 ПРИЛОЖЕНІЙ

52 №№ юмористич. „СМѢХЪ и САТИРА“, а также

12 №№ „ХОЗЯЙКА ДОМА“ (моды и т. п.). ОТРЫВНОЙ

КАЛЕНДАРЬ-ЕЖЕДНЕВНИКЪ на 1916 г., изящная КАРТИНА-ПРЕМІЯ—„СВИДАНІЕ“ и

82 КНИГИ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ Л. Н. ТОЛСТОГО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за ГОДЪ съ пересылкой 7 р. 50 к. ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 3 р., къ 1-го марта—1 р. 50 к., къ 1-го июня—1 р. 50 к., къ 1-го августа—1 р. 50 к.

Принимается УДЕШЕВЛЕННАЯ подписка на „ВСЕМІРНУЮ НОВЬ“ съ 66-ю ПРИЛОЖЕНІЯМИ и

50 КНИГАМИ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ ЛЬВА НИК. ТОЛСТОГО

(т. е. за исключен. его философск. произведеній)

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за ГОДЪ съ перес. ШЕСТЬ (6) руб. ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ—ДВА (2) р., къ 1-го марта—1 р. 50 к., къ 1-го июня—1 р. 50 к., къ 1-го августа—1 руб.

Ввиду высокой ЦѢННОСТИ для культурнаго міра творчества Л. Н. ТОЛСТОГО будетъ обращено особенное вниманіе на ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЕ ПЕЧАТН. и ИЗВѢЩЕСТВО